
БОРЬБА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЙСК НКВД С ВООРУЖЕННЫМ ПОДПОЛЬЕМ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Вооруженные выступления в советском тылу в годы войны

Борьба отечественных органов безопасности с антисоветским вооруженным подпольем и бандитизмом на территории СССР в период 1941–1945 гг. велась в глубоком тылу, в прифронтовой полосе и на освобожденных от оккупации территориях — на Северном Кавказе (Чечено-Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия), в Калмыкии, на севере Грузии, в республиках Средней Азии (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), на Западной Украине, в Западной Белоруссии и республиках Прибалтики (Литва, Латвия, Эстония).

В годы войны различного рода антисоветские националистические организации однозначно признавались бандитскими, так как формы и методы, которые они активно использовали, трактовались действующим уголовным кодексом как бандитизм. Учитывая, что политическая направленность их нападений состояла в нанесении ущерба советской власти, изначально была установлена презумпция, согласно которой нападение на представителей органов государственной власти СССР и военнослужащих Красной армии квалифицировалось как измена Родине и каралось наравне с посягательствами на народную власть. В официальных документах органов государственной безопасности для характеристики антисоветских вооруженных групп использовались термины «политический бандитизм», «террористические банды», «повстанческие банды» и т. д.

Решение практических задач по разгрому националистических повстанческих организаций и формирований было возложено на территориальные органы НКВД — НКГБ и особые отделы НКВД. К борьбе также привлекались прокуратура, пограничные войска, подразделения и части внутренних войск НКВД, истребительные батальоны, а в некоторых случаях и части Красной армии.

К началу Великой Отечественной войны наиболее сложная оперативная обстановка сложилась на Западной Украине, в Западной Белоруссии и на Северном Кавказе. К июлю 1941 г. по учету органов НКВД на Западной Украине числились 94 националистические

Х. Исраилов (слева)

группы, включающие 476 человек, в Западной Белоруссии 17 групп — 90 человек. В мае — июне 1941 г. в западных областях Украины и Белоруссии участниками банд было совершено 135 террористических актов и убийств представителей органов власти.

На Северном Кавказе политический бандитизм имел место практически во всех автономных республиках. Так, на территории Чечено-Ингушской АССР к началу войны действовала 21 банда общей численностью 96 человек. В январе — феврале 1941 г. одна из повстанческих групп даже спровоцировала часть населения Итум-Калинского района на вооруженное выступление против советской власти. В Дагестанской АССР вели подрывную деятельность восемь бандгрупп, из которых пять банд численностью до 15 боевиков осуществляли террористическую деятельность в отношении партийно-советского актива республики.

Оперативная обстановка в республиках Средней Азии и Казахстане характеризовалась наличием большого количества бывших участников бандформирований. К началу войны на территории Казахской ССР в таких формированиях состояли 1566 боевиков, в Туркменской ССР — 1729, в Таджикской ССР — 1802, в Киргизской ССР — 1258, в Узбекской ССР — 7943 человека. На границах Среднеазиатских республик активно действовали бандгруппы, дислоцировавшиеся на сопредельной территории. Например, в Туркменской ССР в 1940 — первой половине 1941 г. было ликвидировано 37 таких банд общей численностью 158 человек.

В других регионах Северного Кавказа, Закавказья, ряде районов Приморского, Хабаровского и Алтайского краев, Бурят-Монгольской и Якутской АССР, Иркутской и Читинской областей оперативная обстановка обострялась наличием большого количества бывших участников различных антисоветских националистических организаций и бандформирований, часть из которых находилась на нелегальном положении. Кроме того, в Сибири было сосредоточено большое количество различных спецпереселенцев и сосланных «врагов народа». По Читинской области таких лиц было учтено свыше 3 тыс. человек.

Наличие большого количества потенциальных врагов советской власти рассматривалось спецслужбами иностранных государств как одно из средств подрыва военного потенциала СССР и оказания помощи немецко-фашистским войскам. Так, органы НКГБ Приморского и Хабаровского краев отмечали активизацию японской разведки по созданию антисоветских бандформирований и диверсионно-разведывательных групп, рассчитывавшей использовать бывший бандповстанческий и иной антисоветский элемент в достижении своих целей. В целом в Советском Союзе к началу Великой Отечественной войны, по материалам органов НКВД — НКГБ, активно действовало 196 банд общей численностью 971 человек¹.

С началом Великой Отечественной войны оперативная обстановка на Северном Кавказе резко обострилась. Быстрое продвижение немецких войск усилило сепаратистские надежды сохранившихся остатков националистических и антисоветских элементов. Они при опоре на уцелевших главарей, активных участников ранее ликвидированных и действующих банд и религиозных авторитетов стали собирать кадры, организовывать и осуществлять террористические акты в отношении партийно-советского актива, призывать население к уклонению от службы в Красной армии и дезертирству, вести широкую антисоветскую агитацию. Родовые пережитки (куначество, приоритет кровнородственных и клановых связей, кровная месть) и неукоснительное следование сложившимся традициям и обычаям, которые регламентировали семейные и общественные отношения значительной части населения этого региона, широко использовались националистами в подрывной деятельности, особенно при проведении вербовочной работы для участия в повстанческих организациях и формированиях.

Призывы националистов и вражеских агентов саботировать службу в Красной армии в ряде мест возымели действие. В августе 1941 г. националистам удалось спровоцировать восстание призывников в с. Буни Чеберлоевского района. В результате предпринятая осенью 1941 г. мобилизация мужского населения на строительство оборонительных укреплений была практически сорвана в горных районах². Подобные случаи произошли в с. Борзой, где в выступлениях участвовали около 800 человек, и в с. Никарой-Кий Галанчожского района.

Наиболее сложной в криминальном отношении была территория горных и предгорных районов Чечено-Ингушской АССР. Так, в период с 22 июня по 3 сентября 1941 г. органами

НКВД было зафиксировано 40 бандпроявлений. В протоколе заседания Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), проведенного 11 сентября 1941 г. и обсуждавшего вопросы вооруженного выступления населения некоторых сельсоветов Шатойского, Галанчожского и Итум-Калинского районов, указывалось, что борьба с антисоветскими проявлениями велась пассивно, в результате чего бандитизм не только не ликвидирован, но и активизировал свои действия. Отмечалось, что агентурно-осведомительный аппарат органов НКВД Чечено-Ингушской АССР состоял из предателей и провокаторов. На 20 октября 1941 г. на территории Чечено-Ингушетии активно действовали 10 повстанческих групп, в розыске находились 705 дезертиров: бежавших из воинских частей — 195, бежавших в пути следования к месту назначения — 355, уклонившихся от явки на призывные пункты — 158 человек³.

Лидеры националистов Х. Исраилов и М. Шерипов начали проводить активную работу по объединению разрозненных банд в общее повстанческое движение для подготовки массового выступления против советской власти и установления «нового порядка» в горных районах Северного Кавказа. Руководство подготовкой и развертыванием повстанческого движения осуществляла Объединенная партия кавказских братьев (ОПКБ). ОПКБ образовала пять повстанческих округов, провела совещания в 41 горном селении. Было проведено нелегальное учредительное собрание ОПКБ, в ходе которого избраны его исполнительный комитет в количестве 33 человек и оргбюро исполнительного комитета из девяти человек. Главным секретарем исполкома стал Х. Исраилов (Терлоев). По его словам, он смог поставить под свои знамена (за исключением Грозного, Гудермеса и Малгобека) 24 970 человек. Впоследствии, в 1943 г., ОПКБ пыталась военизировать банды и переименовала их в Чечено-Ингушскую дивизию ДАКО (Добровольную армию кавказских орлов-гитлеристов)⁴.

В конце 1941 г. на территории Чечено-Ингушетии начала действовать созданная М. Шериповым Чечено-горская национал-социалистическая подпольная организация (ЧГНСПО), которая имела непосредственную связь с немецкой разведкой. С 1941 г. вела подрывную деятельность подпольная Национал-социалистическая партия кавказских братьев (НСПКБ). Аналогичные националистические организации имелись и в других районах Северного Кавказа. В Кабардино-Балкарии — повстанческое националистическое объединение прогерманской ориентации «Балыкская армия», в Карачаевской автономной области — созданная немецкими спецслужбами повстанческая организация «За религию Карачая».

В 1942 г., с приближением линии фронта к предгорьям Главного Кавказского хребта, проблема обеспечения безопасности Северо-Кавказского региона стала еще более актуальной. Рассчитывая на победу фашистской Германии, повстанческие и другие антисоветские элементы на Северном Кавказе вели активную работу по подготовке вооруженных выступлений против советской власти. Часть местного населения, оказавшись под влиянием пропаганды пронемецки настроенных националистов, приняла участие в антисоветских митингах и выступлениях против органов власти. В процессе начавшейся в 1942 г. мобилизации в Красную армию на Северном Кавказе уклонились от призыва в армию и дезертировали из ее рядов до 13,5 тыс. человек⁵, хотя они составляли менее 2% мобилизационного ресурса региона. В большинстве своем мужское население ушло в горы.

В связи с временной отменой призыва в армию чеченцев и ингушей обстановка в республике стабилизировалась. Значительное количество дезертиров и уклонившихся от службы в армии вернулись к месту жительства и были легализованы органами НКВД. Население приступило к работе в колхозах и участвовало в осуществлении экономических и политических мероприятий. Однако в связи с начавшимся наступлением немцев на южном крыле фронте и с оккупацией некоторых районов Северного Кавказа оперативная обстановка в Чечено-Ингушетии вновь резко обострилась.

Росту и активизации бандитизма способствовала деятельность заброшенных в автономную республику немецких спецгрупп. Во время войны различными германскими разведывательными органами, в частности военно-морской разведкой и разведотделом верховного командования вооруженных сил Германии, из состава батальона спецназначения «Бергман»

были заброшены на территорию Чечено-Ингушской АССР восемь диверсионных групп (группы Ланге, Реккерта, Майсурадзе, Дзугаева, руководителя антисоветского восстания на Северном Кавказе дагестанского эмигранта О. Губе) общей численностью 77 человек, из них пять групп в количестве 57 человек — в июле — августе 1942 г. и три группы численностью 20 человек — в августе 1943 г.⁶

В разработанных для руководства к действиям памятках диверсионно-разведывательным группам давались следующие указания: организовать взаимодействие повстанческих групп для совместных действий; установить связь с другими повстанческими группами; захватить и сохранить скот, продовольствие и другие материальные средства; сохранить нефтяные источники и склады; произвести разведку охраны и обороны районов нефтяных месторождений; осуществлять террористические акты в отношении военнослужащих Красной армии; сорвать плановую эксплуатацию железной дороги на Махачкалу; сохранить все мосты, особенно через р. Аргун; собирать сведения о дорожной сети региона; приобретать доверенных лиц; составлять списки неугодных лиц и подготовить планы их ликвидации; при приближении германской армии отступать в горы, где организовать совместную деятельность с повстанческими отрядами, и не допускать, чтобы «большевистские партизаны» ушли в горы.

Так, немецкий унтер-офицер Реккерт, заброшенный в августе на территорию Чечни во главе диверсионной группы, установив связь с бандой Р. Сахабова, при содействии религиозных авторитетов завербовал до 400 человек и, снабдив их немецким оружием, сброшенным с самолетов, сумел организовать вооруженные выступления в ряде аулов Веденского и Чеберлоевского районов. Принятыми оперативно-войсковыми мерами это вооруженное выступление было ликвидировано. В ходе боев Реккерт был убит, а командир примкнувшей к ним другой немецкой диверсионной группы Дзугаев арестован.

В августе 1942 г. в населенных пунктах Шатой и Итум-Кале поднял мятеж М. Шерипов, вступивший в альянс с повстанческой группой Х. Исраилова. Третьим руководителем повстанцев, по некоторым данным, был имам Джавотхан Муртазалиев⁷. Они объединили повстанческие банды общей численностью около 300 человек. Ими были созданы временное народно-революционное правительство Чечено-Ингушетии и объединенный штаб по координации действий повстанческих формирований. Они широко распространяли различного рода пропаганду о том, что советской власти на Кавказе уже не существует, «за исключением Чечни». 16 августа 1942 г. восставшими был разгромлен Дзумсоевский сельсовет.

В некоторых районах часть сельского актива ушла к восставшим или стала уклоняться от борьбы с ними. 17 августа группировка в составе 700 человек повела наступление на центр Шароевского района — селение Химой, где не было вооруженного гарнизона. В Химое повстанцы разогнали партийные и советские учреждения, разгромили здание райкома ВКП(б) и райисполкома, райотделение НКВД и другие советские учреждения. Часть населения поддержала восставших и двинулась на райцентр соседнего Итум-Калинского района, разгромив по дороге сельсовет в селении Тазбичи. К мятежникам присоединились некоторые представители местной власти. Отрядом повстанцев численностью около 1500 человек началась осада районного центра Итум-Кале, где имелся гарнизон из 35 военнослужащих кавэскадрона внутренних войск НКВД. 20 августа подошедшими из Шатоя войсковыми подразделениями НКВД повстанцы были атакованы и отступили в направлении Даумсоевского и Хилдехаройского сельсоветов, а в ночь на 22 августа началось их преследование. Часть повстанцев направилась в Чеберлоевский район, и по пути к ним присоединились около 500 человек из Нохчи-Келоевского и Даевского сельсоветов. Полностью рассеять восставших не удалось.

В горных районах Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии местные жители вступали в создаваемые повстанческие формирования. По учетам органов НКВД, в августе 1942 г. на территории только Чечено-Ингушской АССР действовало около 37 формирований⁸. Заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов при установлении причин осложнения обстановки в Чечено-Ингушетии в сентябре 1942 г. отмечал: обострению криминогенной

ситуации способствовало то, что «представители обкома и СНК республики не были осведомлены о положении дел, политико-разъяснительная работа не велась, весьма частыми были смены председателей колхозов». В результате анализа обстановки он сделал вывод, что «оперативно-чекистские мероприятия без политико-разъяснительной работы и удовлетворения потребностей горского населения товарами широкого потребления будут неэффективны, и мы не сумеем оторвать рядовую часть в бандгруппах от их главарей. Необходимы совместные мероприятия с обкомом и СНК республики по этим вопросам: завоз товаров, формирование групп ответственных партийных и советских работников»⁹.

Однако на практике мнение о силовом варианте решения проблемы значительно преобладало над мерами социально-экономического и политико-разъяснительного характера. Во многом такое положение дел объяснялось серьезными просчетами партийных и советских органов в обеспечении своего влияния на жителей горных селений, более того, во многих аулах оно практически не проводилось. Это вынуждены были констатировать на своих заседаниях члены бюро обкомов национальных республик¹⁰. В августе — сентябре 1942 г. при приближении линии фронта бросили работу и бежали 80 членов ВКП(б), в том числе 16 руководителей райкомов, восемь руководящих работников райисполкомов и 14 председателей колхозов Чечено-Ингушской АССР¹¹.

Во второй половине 1942 г. осложнилось положение на территории Дагестанской АССР. Повстанческие формирования вели подготовку к вооруженному выступлению против советской власти. К осени 1942 г. количество действующих повстанцев в Дагестанской АССР увеличилось до 1500 человек, одновременно росла и активность повстанческих формирований. Кроме того, в республике скрывались свыше 1000 дезертиров из Красной армии и около 800 лиц, уклонившихся от военной службы. НКВД Дагестанской АССР, по плану, утвержденным НКВД СССР, были проведены две чекистско-войсковые операции: первая — с 15 сентября по 1 октября 1942 г. в горных районах, граничащих с Чечено-Ингушской АССР, вторая — в октябре 1942 г. в южных районах Дагестана.

Сложность военно-стратегической и оперативной обстановки на Северном Кавказе накануне фашистской оккупации региона, а также неверие центральных властей в преданность горских народов привели к необходимости образования Владикавказского, Грозненского, Махачкалинского особых оборонительных районов и Нальчикского укрепрайона¹². Войскам НКВД была поставлена задача по проведению активных оперативно-войсковых мероприятий с целью ликвидации повстанческих формирований, что являлось одним из основных условий создания в кратчайшие сроки надежной обороны в предгорьях Главного Кавказского хребта. При выполнении служебных задач внутренним войскам оказывали помощь четыре отряда народного ополчения, шесть истребительных батальонов, более 65 партизанских и разведывательных отрядов и групп, около 80 бригад содействия¹³. В целом в 1942 г. внутренние войска во взаимодействии с органами внутренних дел провели на Северном Кавказе более 700 чекистско-войсковых операций, задержали более 30 тыс. ставленников и пособников врага, из которых 2334 являлись бандитами. В ходе боевых столкновений были убиты 2345 бандитов¹⁴.

Складывающаяся на Северном Кавказе оперативная обстановка требовала принятия дополнительных мер по ее стабилизации. 10 декабря 1942 г. заместитель НКВД СССР Б. З. Кобулов подписал директиву о мерах по усилению борьбы с бандитизмом и дезертирством, в которой говорилось, что пополнение существующих и организация новых бандитских групп происходит в основном за счет дезертиров и уклоняющихся от службы в Красной армии. Указывалось, что большинство органов НКВД борьбу с бандитизмом проводило лишь путем преследования бандгрупп войсковыми силами, без сочетания этих мероприятий с агентурно-оперативной работой. В директиве предлагалось разработать комплекс мероприятий по ликвидации или задержанию повстанческих групп и бандитов-одиночек: усилить агентурно-оперативную работу по борьбе с бандитизмом, выявить пособников и родственников, оказывающих содействие бандитам, практиковать привлечение местных авторитетов к разложению действующих банд, а также предавать суду заочно как изменников Родины

дезертиров, принимающих активное участие в бандитско-повстанческих формированиях, представлять дела на членов их семей на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР¹⁵.

Наступление частей Красной армии в ходе Северо-Кавказской стратегической наступательной операции 1943 г. значительно изменило характер действий органов НКВД — НКГБ. В целях очистки прифронтовой территории от немецких пособников, дезертиров и бандитов внутренними войсками во взаимодействии с органами НКВД — НКГБ было проведено пять чекистско-войсковых операций на 78 железнодорожных станциях и разъездах, в 94 населенных пунктах предгорных районов Главного Кавказского хребта, а также более 560 операций по прочесыванию отдельных участков местности. Тем не менее на освобожденных от оккупантов территориях Северного Кавказа оставались многочисленные банды, активно противодействовавшие органам советской власти по восстановлению разрушенного народного хозяйства. По имевшимся в НКВД — НКГБ данным, часть повстанческих групп поддерживалась германской разведкой, снабжавшей бандитов материально-техническими средствами, деньгами, оружием и боеприпасами.

В целях борьбы с бандитизмом и поддержания общественного порядка на территории Северного Кавказа в январе 1943 г. было создано Управление внутренних войск НКВД Северо-Кавказского округа (командующий генерал-майор В. И. Киселев) численностью около 20 тыс. человек (к октябрю — 26 тыс.), на территории Чечено-Ингушской АССР был дислоцирован 141-й стрелковый полк внутренних войск НКВД. В апреле — мае 1943 г. активную борьбу с бандформированиями в прифронтовой полосе на Кубани, в горах Кавказа и на Черноморском побережье вели войска по охране тыла Северо-Кавказского фронта.

Управление внутренних войск НКВД Северо-Кавказского округа на освобожденных от врага территориях шестнадцати областей организовало службу гарнизонов: полкового звена — 74, батальонного — 340, ротного — 790¹⁶. Их деятельность регламентировалась постановлением ГКО от 4 января 1942 г. «Об организации гарнизонов НКВД в городах, освобождаемых Красной Армией от противника». Основу служебной деятельности гарнизонов составляли кочующие и линейные заставы, для несения службы выделялись разведывательно-поисковые группы, патрули, дозоры, устанавливались засады, секреты и контрольно-проверочные посты. Войсковые гарнизоны оказывали действенную помощь местным органам власти в налаживании мирной жизни, поддержании общественного порядка, особенно в регионах, где уголовная преступность представляла серьезную опасность.

После изгнания немцев из Кабардино-Балкарии повстанческие отряды выполняли указания разведывательных органов Германии — воспрепятствовать восстановлению советской власти до возвращения германских войск на Кавказ. При вступлении частей Красной армии и внутренних войск НКВД на территорию Кабардино-Балкарской АССР созданные немцами повстанческие организации в Черекском (свыше 300 человек), Эльбрусском, Чегемском и других районах республики оказали им организованное вооруженное сопротивление. В результате проведенных чекистско-войсковых операций активное вооруженное сопротивление повстанцев было сломлено, а бандиты, разбившись на мелкие группы, скрылись в горах. Значительное количество повстанцев, мобилизованных в банды, дезертиров из Красной армии и немецких пособников вернулись к месту жительства, сдали оружие и были легализованы.

Созданные разведывательными органами противника на территории Карачаевской автономной области (КАО) повстанческие формирования в январе 1943 г., прикрываясь лозунгом «За свободный Карачай!», организовали в Учкулановском районе антисоветское вооруженное выступление с участием более 400 человек. Им руководил созданный 3 августа 1942 г. Карачаевский национальный комитет, в составе которого был организован штаб по руководству действиями повстанческих формирований¹⁷. К ликвидации восстания и проведения чекистско-войсковых операций органами НКГБ — НКВД были привлечены около 2 тыс. военнослужащих внутренних войск и сотрудников милиции. К середине 1943 г. в КАО были ликвидированы пять бандгрупп и задержаны 67 бандитов¹⁸. После ликвидации выступления многие его участники мелкими группами перешли на нелегальное положение, активные участники банд продолжали вести среди населения антисоветскую деятельность. Бандитам

оказывали большую помощь немецкие парашютисты, забрасываемые разведывательными органами противника.

Наиболее сложной оперативная обстановка оставалась на территории Чечено-Ингушской АССР, где весной 1943 г. насчитывалось 4 тыс. бандитов¹⁹. Одно из крупных повстанческих формирований действовало в Итум-Калинском районе. Для организации борьбы с бандитизмом в Чечено-Ингушетию был направлен заместитель начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Р. Руденко, задействованы части Тбилисской дивизии внутренних войск, 141-й стрелковый полк НКВД, а также сотрудники органов НКГБ — НКВД. В семи районах были созданы оперативные группы НКВД.

На территории Грузии в районах, граничащих с Чечней, были организованы оперативно-войсковые заслоны из 25 работников НКВД Грузинской ССР, трех рот 40-го полка и двух рот 263-го полка внутренних войск НКВД. Это позволило предотвратить проникновение банд из Чечни через перевалы Главного Кавказского хребта на территорию Грузинской ССР.

Серьезную опасность для жителей горных районов Кабардино-Балкарии представляло бандформирование «Балыкская армия» (национальный состав — 450 карачаевцев и балкарцев). Призывы партийных и советских органов республики политическими методами предотвратить массовое антисоветское выступление балкарцев желаемых результатов не принесли. В ходе четырех специальных операций, проведенных органами НКГБ — НКВД, внутренними войсками, истребительными отрядами во взаимодействии с милицией были задержаны 202 боевика и убиты 75 бандитов.

Сложная обстановка сохранялась в районе Чегемского ущелья Кабардино-Балкарской АССР, где действующие банды своей подрывной деятельностью полностью парализовали работу местных органов власти. Основу банд составляли бежавшие из 115-й национальной кавалерийской дивизии 70 дезертиров, а также бывшие военнопленные, старосты и полицейские. Для стабилизации обстановки в Кабардино-Балкарской АССР органами НКГБ — НКВД привлекались части Сухумской и Тбилисской дивизий внутренних войск. В ликвидации бандформирований участвовали около 1800 военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, 17 бригад содействия. В ходе спецоперации 331 бандит и их пособник были задержаны, около 90 убиты²⁰.

В южных районах Дагестана повстанческими группам удалось склонить на свою сторону часть местных жителей. Прикрываясь лозунгом «Свобода Дагестану!», они полностью дезорганизовали деятельность советской власти в некоторых горных аулах. Для усиления борьбы с повстанческими группами в июне 1943 г. в Дагестан была направлена бригада оперативных работников отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом, из подразделений 289-го стрелкового полка внутренних войск НКВД на территории республики размещены воинские гарнизоны. В результате проведенных оперативных, оперативно-боевых и войсковых мероприятий на территории Дагестанской АССР в 1943 г. было ликвидировано 82 банды численностью 807 человек, при этом убиты 129, арестованы 490, легализованы 208 бандитов²¹.

По состоянию на 1 июня 1943 г., на учете в краевом управлении на Ставрополье состояли 53 повстанческие группы²², а в июле 1943 г. в Ставропольском крае действовали уже 120 банд. Такой рост во многом объяснялся несовершенством учета: около 30% бандитских проявлений совершались одиночками, в то время как в отчетах они проходили как бандитские группы. Тем не менее их опасность была велика. Во второй половине 1943 г. в Ставропольском крае значительные силы органов НКГБ — НКВД и внутренних войск привлекались для борьбы со стоящими на оперативном учете тремя повстанческими формированиями и приблизительно 60 бандгруппами. Более половины из них действовали в горно-лесистых районах Карачаевской автономной области. Координацию действий внутренних войск и органов внутренних дел в указанном регионе осуществлял заместитель наркома внутренних дел И. А. Серов. Дополнительно туда были направлены части 1-й мотострелковой дивизии имени Ф. Э. Дзержинского. Всего в 1943 г. в Ставропольском крае были ликвидированы 134 бандгруппы численностью 1515 человек²³. В ходе призывов к бандам прекратить сопротивление из 177 бандглаварей 104 явились с повинной²⁴.

В середине 1943 г., в связи с ухудшением криминогенной обстановки в районе городов Кавказских Минеральных Вод, органы и внутренние войска НКВД вторично провели три чекистско-войсковые операции по выявлению вражеских и преступных элементов. Из 19 546 человек, задержанных по подозрению в совершении преступлений, оказались немецкими ставленниками и их пособниками — 209, бандитами — 214, дезертирами и уклонившимися от призыва в армию — 3983.

На Северном Кавказе наименее охваченной бандитизмом была территория Северной Осетии. После освобождения республики от фашистов в предгорных районах на оперативном учете значились девять банд, причем половина из них проникли туда из районов Балкарии и Ингушетии. Их действия в основном были направлены на дестабилизацию обстановки в районах Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог.

В первой половине 1943 г. на Северном Кавказе органы НКГБ — НКВД, внутренние войска во взаимодействии с милицией провели более 750 чекистско-войсковых операций и прочесываний участков местности, в ходе которых предотвратили пять антисоветских восстаний, ликвидировали три крупных бандформирования и не менее 180 бандитских групп. За указанный период были выявлены 15 663 вражеских и преступных элемента, более 80% которых составляли дезертиры, уклонившиеся от призыва в армию, и бандиты²⁵.

В записке, направленной 16 августа 1943 г. в ГКО, Л. П. Берия констатировал: «В период оккупации немецко-фашистскими войсками Северного Кавказа часть населения национальных республик и областей оказывала активную помощь немецко-фашистским захватчикам в совершенных ими злодеяниях, в настоящее время занимается бандитизмом и мешает честным трудящимся восстанавливать разрушенное немецкими оккупантами хозяйство», вследствие этого он считал «целесообразным выселить из районов Карачаевской и Адыгейской автономных областей, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР в Казахстан и Сибирь вместе с членами их семей: пособников немецко-фашистских оккупантов; бандитов, уголовно-грабительский элемент, дезертиров и их укрывателей; лиц, ведущих антисоветскую работу»²⁶. Однако предложения НКВД СССР о переселении из автономных образований Северо-Кавказского региона лишь немецких пособников, бандитов и антисоветски настроенных элементов приняты не были.

В докладной записке заместителя наркома госбезопасности СССР комиссара госбезопасности 2 ранга Б. З. Кобулова по результатам его инспекционной поездки в октябре 1943 г. в Чечено-Ингушетию на имя Л. П. Берии «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР» отмечалось: «По данным НКВД и НКГБ Чечено-Ингушской АССР на оперативном учете было 8535 человек, в том числе 27 немецких парашютистов; 457 человек, подозреваемых в связях с немецкой разведкой; 1410 членов фашистских организаций; 619 служителей культа и активных сектантов; 2126 дезертиров... На 1 ноября в республике оперируют 35 бандгрупп общей численностью 245 человек и 43 бандита-одиночки. Свыше 4000 человек — участников вооруженных выступлений 1941–1942 гг. — прекратили активную деятельность, но оружие — пистолеты, пулеметы, автоматические винтовки не сдают, укрывая его для нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ».

Активные действия бандгрупп отмечались и на территории Краснодарского края: три бандформирования и около 50 бандгрупп²⁷. Органы НКГБ — НКВД в ходе проведения оперативных и оперативно-боевых мероприятий задержали в указанном регионе 1025 бандитов, 1741 дезертира, 289 ставленников и пособников немцев. В ходе разъяснительной работы среди населения и призывов к бандам прекратить сопротивление добровольно сдались властям 636 человек.

Большое значение в ходе наведения порядка на территории Северного Кавказа имели действия органов НКВД — НКГБ и внутренних войск по недопущению массового распространения оружия и боеприпасов среди населения, однако незначительная его часть все же оказалась в руках местного населения. Призывы местных органов власти и комендатур добровольно сдать незаконно хранящееся оружие и боеприпасы желаемых результатов не принесли. Внутренние войска совместно с органами госбезопасности и милиции в 1943 г.

изъяли у населения Северо-Кавказского региона более 15 270 стволов различного огнестрельного оружия²⁸.

1943 г. положил начало депортации горских народов Кавказа. Принятию такого решения предшествовали доклады экспертов о военно-политической обстановке в национальных республиках в период оккупации части территории Северного Кавказа. Акция советского руководства по выселению чеченцев, ингушей, балкарцев и других народов Кавказа в целом носила антигуманный характер, при этом она не решила проблему ликвидации бандитизма. В справке начальника УНКВД по Грозненской области о работе Управления по борьбе с бандитизмом отмечалось: «После выселения в феврале 1944 г. на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР осталось большое количество уклонившихся от переселения чеченцев и ингушей, которые укрывались в труднодоступных, скалистых горнолесных массивах, объединились с кадровыми бандитскими формированиями, являвшимися в прошлом участниками контрреволюционной националистической организации, так называемой «Особой партии кавказских братьев» (ОПКБ), созданной немцами из числа националистических элементов»²⁹.

По приказу Л. П. Берии в целях усиления борьбы с бандповстанческим движением были сохранены только созданные накануне выселения с территорий Чечено-Ингушской АССР оперативные сектора: Галанчожский, Урус-Мартановский и Шатойский в Грозненской области, а также Ахалхеевский в Грузинской ССР, а остальные упразднены. В указанных районах в июле 1944 г. было проведено несколько чекистско-войсковых операций по ликвидации повстанческих групп. Осенью 1944 г. добровольно сдались 83 повстанца³⁰.

В Кабардино-Балкарской АССР до выселения балкарцев на специальном учете находилось семь банд (103 человека), а после их депортации в республике уже насчитывалось 14 бандповстанческих групп (132 человека), которые оказали войскам 31 вооруженное сопротивление. В результате проведенных операций внутренние войска и органы внутренних дел захватили 101 бандита³¹.

С первых дней войны в Закавказских республиках бывшие участники антисоветских и националистических организаций развернули широкую пропагандистскую работу среди населения, призывая его к дезертирству и уклонению от службы в Красной армии. В ряде районов Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР возникли различные повстанческие группы, которые начали устанавливать связь с бывшими активными участниками повстанческих формирований, скрывавшимися на территории Ирана и Турции, привлекать в свои ряды дезертиров из Красной армии и лиц, уклонившихся от военной службы.

В Талинском районе Армянской ССР развернула свою деятельность повстанческая группа в составе восьми бывших участников разгромленной курдской националистической организации «Хайбун». В Ахтинском районе — повстанческая группа в составе 13 бывших участников мусаватистской организации. Подрывная деятельность этих групп была направлена на совершение террористических актов над советско-партийным активом, отдельные руководители групп ставили своей задачей поднятие вооруженного восстания против советской власти.

В 1942 г., с приближением фронта к предгорьям Кавказа, активность повстанческих групп увеличилась. В Грузии и Армении стали возникать крупные по численности банды, возглавляемые бывшими участниками националистических организаций. Формирование банд шло главным образом за счет дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в Красной армии.

В Чохатаурском районе Грузинской ССР органами НКВД была выявлена банда в составе 39 дезертиров и уклонившихся от службы в Красной армии лиц, возглавляемая Севарияном Барамидзе, одним из руководящих участников существовавшей в Ванском районе подпольной повстанческой организации, которая ставила своей задачей поднятие вооруженного восстания против советской власти при приближении немецких войск к Грузии. Активные члены банды распространяли фашистские листовки, вербовали новых участников, терроризируя население, срывали оборонные мероприятия местных советско-партийных органов. Ими было совершено восемь убийств и 15 вооруженных налетов. Для ликвидации банды и подпольной повстанческой организации в НКВД Грузинской ССР была командирована специальная группа оперативных работников ОББ НКВД СССР. В результате агентурных и

оперативно-боевых мероприятий удалось ликвидировать банду и арестовать 12 участников подпольной повстанческой организации.

В Басаргечарском районе Армянской ССР была выявлена повстанческая банда, состоявшая из дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в Красной армии, численностью до 70 человек. Они ставили своей целью организацию вооруженной борьбы против советской власти. Руководители банды пытались установить связь с немецкими парашютистами, выброшенными на территорию Кировобадского района Азербайджанской ССР, и информировать их о своей готовности оказать помощь немецко-фашистским войскам.

Следует отметить, что НКВД — НКГБ Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР успешно справились с задачами ликвидации возникших повстанческих формирований, обеспечив своевременное пресечение их деятельности. Органами государственной безопасности республик Закавказья были ликвидированы 242 банды численностью 1779 участников и задержаны 2936 дезертиров из Красной армии.

В период летнего наступления немцев в 1942 г. резко обострилась оперативная обстановка на территории Калмыцкой АССР. В частях 110-й Калмыцкой национальной кавалерийской дивизии началось массовое дезертирство. С приближением фронта к автономной республике местные антисоветские и националистические элементы начали создавать из дезертиров 110-й дивизии крупные повстанческие формирования. После захвата территории Калмыкии немцами участники повстанческих формирований расправлялись с коммунистами, партизанами и другими патриотами из числа лиц русской национальности. Однако в связи с поспешным отступлением немцев из Калмыкии после поражения вермахта под Сталинградом бандформирования перешли на нелегальное положение и стали вести активную борьбу против советской власти, совершая террористические акты и нападения на воинские гарнизоны. К ним примкнули бывшие полицейские, служащие сельских управ и другие немецкие пособники. Банды имели широкую поддержку со стороны местного населения.

В феврале 1943 г. для оказания практической помощи местным органам НКВД в Калмыкию прибыли заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов и начальник отдела по борьбе с бандитизмом наркомата В. А. Дроздов, а также командирована оперативная группа под руководством заместителя начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А. А. Жукова. После оценки оперативной обстановки были организованы оперативные и чекистско-войсковые мероприятия по ликвидации бандгрупп и репрессии в отношении семей, главы или члены которых участвовали в бандах, а также их пособников. Созданные из подразделений 29-го кавалерийского полка и 21-й бригады войск НКВД оперативные группы развернули работу по проведению чекистско-войсковых операций и агентурных мероприятий по разложению банд и склонению их участников к явке с повинной. В результате их проведения были убиты 58 и арестованы 90 бандитов и их пособников, при этом изъято оружие: винтовок — 189, пулеметов — 19, автоматов — 3, гранат — 18, а также два ящика мин и одно противотанковое ружье³². К августу 1943 г. были ликвидированы 23 банды численностью 786 человек. Остатки разгромленных банд прекратили активные действия³³.

Деятельность остатков повстанческих формирований возобновилась с выброской немцами в октябре 1943 г. на территорию Калмыкии парашютной группы в составе пяти человек, возглавляемой бывшим руководителем калмыцкого легиона О. Басангом. Мероприятия органов НКВД по ликвидации этих повстанческих банд и вражеских парашютистов положительных результатов не дали. В декабре 1943 г. в ходе специальной операции по выселению калмыков органами НКВД были задержаны и арестованы 348 участников остатков повстанческих групп и дезертиров из Красной армии.

С началом военных действий, по докладом органов НКВД — НКГБ высшим органам власти СССР, в Среднеазиатских республиках и Казахстане развернулась активная деятельность антисоветски настроенных лиц, которая выражалась в распространении слухов о победе Германии и прекращении деятельности советской власти, агитации к уклонению от военной службы и дезертирству из Красной армии, саботажу сельскохозяйственных работ в колхозах, создании повстанческих формирований для вооруженных выступлений против

советской власти, организации вооруженных бандитских групп с целью совершения налетов на колхозы и угона скота. К декабрю 1941 г. органами НКВД Среднеазиатских республик и Казахстана в ходе агентурных и оперативно-боевых мероприятий были ликвидированы 34 банды численностью 324 человека и арестованы 270 активных антисоветски настроенных лиц. НКВД Казахской ССР дополнительно было выявлено и взято на учет 3882, а в НКВД Таджикской ССР — 1703 бывших участника повстанческих формирований.

В 1942 г., в период летнего наступления немцев на Кавказ, подрывная деятельность повстанческих и антисоветских элементов в Средней Азии и Казахстане значительно возросла. За счет дезертиров из Красной армии, лиц, уклонившихся от военной службы, и участников повстанческих формирований возникло большое количество новых бандгрупп. Этому способствовали наличие широкой пособнической базы и связь бандглаварей с отдельными руководителями местных советско-партийных органов.

В 1942 г. НКВД Узбекской ССР была ликвидирована наиболее одиозная повстанческая группа Музафара Алиева. Однако скрывшийся от ареста М. Алиев в 1943 г. организовал новую банду численностью до 40 человек. Руководители банды установили связь с находившимися в эмиграции в Афганистане бывшими повстанческими главарями и договорились об оказании вооруженной помощи при открытом выступлении против советской власти и содействии в переходе банды за границу в случае провала восстания.

НКВД Казахской ССР была ликвидирована аналогичная повстанческая группа, возникшая в июле 1942 г. в Жана-Аркинском районе Карагандинской области, в составе 40 дезертиров из Красной армии и уголовных преступников. Банда ставила задачей активную борьбу против советской власти под лозунгом создания самостоятельного казахского государства.

В начале 1943 г. в республиках Средней Азии и Казахстане в связи с увеличением призыва в Красную армию и на работу в оборонную промышленность повстанческие группы активно проводили агитацию по созданию из числа скрывающихся дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в Красной армии, вооруженных повстанческих групп. В результате их деятельности в течение 1943 г. в республиках Средней Азии и Казахстане были убиты шесть работников НКВД, пять офицеров и рядовых войск НКВД, 50 советско-партийных работников и 75 мирных граждан.

В первой половине 1943 г. НКВД Киргизской ССР ликвидировано повстанческое формирование, действовавшее на территории Тянь-Шаньской, Ошской и Джалал-Абадской областей, в составе 114 участников ранее ликвидированной националистической организации, именованной Социал-туранской партией. Разветвленное повстанческое формирование ставило задачей организацию вооруженного выступления против советской власти.

В целях ликвидации действующих банд и обеспечения агентурно-оперативных мероприятий органов НКВД — НКГБ СССР в 1942–1943 гг. в республиках Средней Азии были увеличены штаты отделов по борьбе с бандитизмом, созданы подразделения по борьбе с бандитизмом в областных управлениях НКВД, в распоряжение народных комиссаров внутренних дел республик выделены части войск НКВД. Для организации работы в Казахскую, Киргизскую, Туркменскую, Таджикскую и Киргизскую ССР были командированы группы опытных оперативных работников ОББ НКВД СССР. С целью ликвидации действовавших банд в Узбекскую ССР был передислоцирован 285-й полк внутренних войск НКВД. В областях организованы оперативные группы НКВД с привлечением бойцов истребительных батальонов и советско-партийного актива.

За январь — апрель 1943 г. в Киргизской ССР удалось ликвидировать 16 банд, 13 из которых были сформированы из дезертиров и лиц, уклонившихся от призыва в армию, и бандитов-одиночек — всего 265 человек. Было изъято 99 единиц огнестрельного и холодного оружия, задержаны 1810 дезертиров и 5242 уклонившихся от призыва. Основная деятельность этих бандгрупп сводилась к краже мелкого и крупного рогатого скота и продуктов питания у колхозников³⁴.

6 августа 1943 г., подводя итоги борьбы с повстанчеством на территории Таджикской ССР с начала 1942 по 1 августа 1943 г., в ГКО сообщалось: «Ликвидировано 68 бандгрупп с

общим количеством участников 621 человек. На территории республики были задержаны 1333 дезертира и 3511 человек, уклонявшихся от службы в армии. Социальную базу бандгрупп составляли бывшие басмачи, дезертиры и лица, уклонившиеся от призыва в Красную армию и оборонную промышленность. Органами НКВД было учтено 13 попыток группового ухода бандитов за кордон».

В результате мероприятий, проведенных органами НКВД в 1942–1943 гг., по Средней Азии и Казахстану было ликвидировано 1057 банд с 7818 участниками, арестованы 5335, задержаны 18 069 дезертиров из Красной армии и уклонившихся от военной службы и легализованы 169 бандитов. В связи с эффективной деятельностью органов НКВД — НКГБ оперативная обстановка по линии борьбы с бандитизмом стабилизировалась³⁵.

В 1944 г. в Среднеазиатских республиках действовали небольшие по численности банды из дезертиров Красной армии и уклонившихся от военной службы, занимавшихся уголовными преступлениями. Так, за первую половину 1944 г. в Средней Азии и Казахстане было зарегистрировано 150 бандпроявлений, из которых 140 имели уголовную направленность: ограблений частных лиц — 108, ограблений колхозов — 32. Органами НКВД Среднеазиатских республик было ликвидировано 238 таких бандгрупп с 1288 участниками.

Повстанческие группы в центральных районах СССР создавались в основном за счет антисоветски настроенных лиц, которые, не желая защищать советскую власть, уклонялись от призыва и мобилизации в Красную армию, переходили на нелегальное положение. В Тамбовской и Ярославской областях, Татарской, Башкирской, Мордовской, Чувашской, Удмуртской и Марийской АССР банды формировались из бывших участников довоенных антисоветских выступлений, которые также уклонялись от службы в Красной армии и переходили на нелегальное положение.

В 1943 г. органы НКВД СССР и НКГБ СССР проводили операции по изъятию немецких пособников, дезертиров и уголовно-бандитского элемента на территории, освобожденной от противника частями Красной армии в ходе зимней кампании (ноябрь 1942 — март 1943 г.). В мае — июле 1943 г. в Ростовской, Воронежской, Курской, Сталинградской, Смоленской, Орловской, Ленинградской, Калининской областях были проведены чекистско-войсковые операции по прочесыванию лесных массивов и выборочная проверка населенных пунктов, в результате удалось ликвидировать несколько бандитских групп из числа немецких пособников, полицейских и дезертиров³⁶.

В Сибири и на Дальнем Востоке создание повстанческих формирований и организация вооруженной борьбы против советской власти шли за счет дезертиров, спецпереселенцев и беглых преступников из лагерей и колоний НКВД. Активизации повстанческой деятельности антисоветских элементов в Новосибирской области способствовала работа немецкой агентуры. Так, в декабре 1941 г. Нарымским окружным отделом НКВД был арестован находившийся на нелегальном положении этнический немец Ф. Ф. Мейер. На следствии он показал, что для работы в пользу германской разведки он в разное время завербовал 83 человека и создал повстанческие группы в Парабельском, Парбигском, Пудинском, Шегарском и Куйбышевском районах Нарымского округа. Всего в 1941 — начале 1942 г. органами НКВД на территории Новосибирской области было ликвидировано 12 повстанческих формирований численностью 279 человек.

Для активизации повстанческой деятельности в Якутии враждебными элементами был использован факт перебоев в снабжении населения продовольствием и промышленными товарами, временными успехами немецко-фашистских войск на фронте. Под влиянием распространяемых ими слухов о вступлении Японии в войну и скорой гибели советской власти часть населения уклонялась от призыва в Красную армию, вооружалась и уходила в тайгу. Скрывавшиеся в тайге нелегалы вовлекались в повстанческие формирования. Так, в Усть-Наталья Аллах-Юньского района в сентябре 1941 г. возникла повстанческая организация, возглавлявшаяся бывшим колчаковцем Коркиным. Задачей организации было объединить антисоветски настроенных лиц и поднять вооруженное восстание против советской власти. В результате вербовочной работы им удалось привлечь на свою сторону 57 человек. Прове-

денными органами НКВД мероприятиями организация была выявлена и ликвидирована. Аналогичные, небольшие по численности повстанческие формирования были ликвидированы в Читинской и Омской областях, Приморском и Хабаровском краях.

НКВД Якутской АССР в начале 1942 г. в Аллах-Юньском районе была выявлена повстанческая банда в составе 19 человек, возглавляемая якутом Орловым. Банда именовала себя Обществом спасения России от большевизма и ставила своей задачей создание крупных повстанческих отрядов и поднятие вооруженной борьбы против советской власти. 11 июля 1942 г. при проведении органами безопасности чекистско-войсковой операции бандглаварь Орлов был убит, 18 участников арестованы. Менее активные повстанческие группы были ликвидированы управлениями НКВД по Омской и Иркутской областям.

В остальных республиках, краях и областях Сибири и Дальнего Востока мероприятия органов НКВД в 1942 г. были направлены на ликвидацию мелких бандитских групп, состоявших преимущественно из дезертиров Красной армии и уклонившихся от военной службы. Всего в 1942 г. в Сибири и на Дальнем Востоке удалось ликвидировать 254 бандитские группы численностью 1298 человек, деятельность которых носила уголовный характер.

К началу 1944 г. органы НКВД — НКГБ добились значительного снижения бандитизма во всех районах СССР. На учете органов безопасности находилось 438 повстанческих групп численностью 2150 боевиков. Однако в первой половине 1944 г. произошло резкое увеличение бандитизма за счет западных областей Украины, на территории которых начала активно действовать Организация украинских националистов (ОУН).

Предполагалось, что деятельность органов НКВД — НКГБ СССР в Западной Украине, Западной Белоруссии и республиках Прибалтики будет проходить по уже апробированному варианту, как и на других освобожденных от немецко-фашистских захватчиков территориях: «зачистка» территории от остатков немецких воинских частей, разведывательно-диверсионных групп, розыск агентуры разведывательных, контрразведывательных, карательных и полицейских органов воевавших против СССР стран, предателей, ставленников и пособников немецко-фашистских оккупантов, членов националистических организаций и других лиц, сотрудничавших с оккупантами. На практике вместе с выполнением планируемых задач органам НКВД — НКГБ пришлось решать задачу по организации и ведению борьбы с открытым организацией националистического подполья. В документах НКВД — НКГБ появилось новое понятие — «антисоветское подполье и его вооруженные банды».

Основной вооруженной силой украинских сепаратистов в 1944–1945 гг. являлась Украинская повстанческая армия, которая организационно входила в ОУН, но до конца войны в определенной степени подчиняла себе ее территориальные звенья. Несмотря на то что УПА официально объявила «войну и большевикам, и немцам», именно немцы с августа 1943 по сентябрь 1944 г. передали УПА 700 орудий и минометов, около 10 тыс. пулеметов, 26 тыс. автоматов, 72 тыс. винтовок, 22 тыс. пистолетов, 100 тыс. гранат, свыше 12 млн патронов. УПА дислоцировалась главным образом в лесных массивах западных областей Украины, насчитывала по некоторым оценкам 80–100 тыс. человек и состояла из четырех групп: северной — «Пивнич», южной — «Пивдень», восточной — «Схид» и западной — «Захид — Карпаты». Во главе каждой группы стояли опытные, прошедшие специальную военную подготовку командиры³⁷.

Общая численность обученных формирований УПА в Западной Украине оценивалась немцами в 80–100 тыс. человек. По заявлениям самих украинских националистов, она доходила до 400 тыс. и даже до 1 млн человек³⁸. Согласно данным прибалтийских историков, в ноябре 1944 г. в лесах Литвы находились примерно 33 тыс. человек, ушедших в леса Латвии на тот же период — 20 тыс. человек, а «лесное братство» Эстонии объединяло до 15 тыс. человек³⁹. По оперативным данным НКГБ — НКВД, на территории ряда западных областей Белорусской ССР, Украинской ССР и Виленской области Литовской ССР активную борьбу вели польские подпольные организации и их вооруженные формирования, которые насчитывали до 100 тыс. поляков, из которых 50% имели стрелковое оружие⁴⁰.

Боевики УПА

К 1944 г. ОУН — УПА представляла собой многочисленную и широко разветвленную подпольную организацию, построенную на принципах глубокой конспирации, безусловного подчинения нижестоящих звеньев вышестоящим. Украина была разделена на пять частей, в которых образованы подчиненные центральному «проводу» ОУН краевые «проводы»: на восточных украинских землях (СУЗ), на западных украинских землях (ЗУЗ), на южных украинских землях (ПУЗ), на северо-западных украинских землях (ПЗУЗ) и Галицийский краевой «провод» ОУН. Они подразделялись на организационные звенья: областные, окружные, надрайонные, районные, подрайонные «проводы» и кустовые группы ОУН. В селах были «станичные» организации. В каждом «проводе» кроме подрайонных имелись различные «референтуры». Основными из них являлись: организационно-мобилизационная, пропаганды, службы безопасности (СБ), военная и хозяйственная. Каждую референтуру возглавлял референт, который подчинялся руководителю территориальной организации ОУН. Через референтуры осуществлялось выполнение политических решений руководства ОУН⁴¹.

Наличие крупных формирований ОУН — УПА в 1944–1945 гг. несколько облегчало органам государственной безопасности их выявление, позволяло широко применять войска для блокирования, обнаружения и уничтожения вооруженных организаций ОУН и подразделений УПА. В результате проведенных чекистско-войсковых операций многих участников ОУН — УПА и их пособников удалось ликвидировать. Стремясь сохранить свои силы, руководство ОУН — УПА приняло решение о роспуске УПА и передаче ее подразделений в подпольные организации⁴². В горных районах западных областей Украины, несмотря на роспуск УПА, некоторое время продолжали существовать отдельные группы, считавшие себя отрядами УПА, обособленными от организаций ОУН⁴³.

На территории ряда западных областей Белорусской ССР, Украинской ССР и Виленской области Литовской ССР активную борьбу вели польские подпольные вооруженные

Боевики УПА в форме Красной армии

формирования. Самой разветвленной польской подпольной организацией являлась Армия Крайова (АК). Во главе организации стоял главный комендант АК, которому подчинялись военные округа. Для обеспечения управления в главной комендатуре были организованы отдел главного коменданта АК, занимавшийся разведывательной и контрразведывательной деятельностью, организационный отдел, в ведении которого находились вопросы общего характера. Военный округ объединял от двух до пяти инспекторатов. Инспекторат, или подокруг, организовывал и контролировал через штаб подрывную деятельность на территории 3–6 уездов. Штабу подчинялись 3–4 обвода. Инспектораты именовались «Север», «Юг», «Восток», «Запад» или носили названия основного города в районе, где он действовал.

Органы государственной безопасности в ходе чекистско-войсковых операций в 1944–1945 гг. нанесли ряд серьезных ударов по польским формированиям, в ходе которых подразделения АК были в основном разгромлены. Кроме того, в ходе мероприятий советского правительства из Белоруссии в Польшу выехало 151 646 хозяйств, что составило в общей сложности 520 495 человек⁴⁴. Тем самым была подорвана социальная база польского подполья, что вынудило руководство АК полностью отказаться от продолжения борьбы.

Непосредственно в Белоруссии национальные вооруженные формирования были малочисленны, не имели стройной организации, и по своей деятельности их правильнее отнести к уголовным бандам.

В отличие от ОУН — УПА руководителям подполья в Прибалтийских республиках не удалось создать у себя единого руководящего центра, который координировал бы всю деятельность вооруженных повстанческих формирований. Благодаря предпринятым перед

войной усилиям немецкая разведка смогла создать на территории Литвы многочисленные вооруженные отряды, которые с началом боевых действий поддержали немецкое наступление.

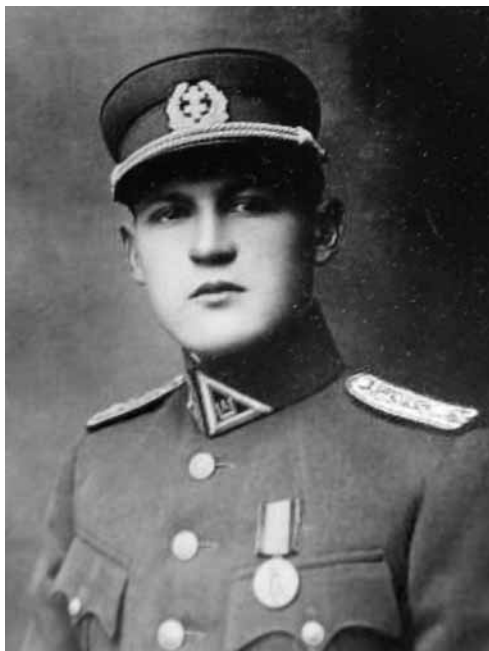
Первой организационной структурой, поставившей перед собой задачу добиваться восстановления независимости Литвы, был Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ), созданный в ноябре 1943 г. (лидеры К. Белинис, А. Гинейтис и П. Шилас) и поддерживавший идею формирования территориальных сил обороны⁴⁵. В изданном комитетом манифесте указывалось, что он «создается как единая организация для руководства всеми политическими партиями и организациями Литвы». Организация установила контакт с немецким командованием и разведорганами, оказавшими ей значительную помощь в вооружении, снабжении материально-техническими средствами, радиосредствами, деньгами. В Кенигсбергской разведшколе была создана специальная литовская группа, в которой националисты обучались разведывательно-диверсионной работе.

Для руководства организацией был образован верховный штаб с двумя запасными составами, восемь окружных штабов с тремя запасными составами для каждого и более двадцати уездных штабов, возглавлявших вооруженные отряды националистов. Организационно ее структура делилась на два сектора — оперативный (действующий) и организационный. В оперативный сектор входили собственно вооруженные формирования, боевики которых находились на нелегальном положении. Члены организационного сектора проживали легально, в их обязанности входили разведка и материальное обеспечение.

Основной действующей и организационной силой ВКОЛ являлась Литовская освободительная армия (ЛЛА), которая возникла на базе националистических организаций и групп, объединившихся для борьбы за независимое литовское государство. Инициаторами ее создания были офицеры бывшей литовской армии. ЛЛА являлась новой военной организацией, руководителями и членами которой были литовцы различных политических направлений и течений. Руководством ЛЛА территория Литвы была разделена на девять территориальных округов⁴⁶. Окружной штаб ЛЛА подчинялся верховному штабу и руководил деятельностью организации на территории нескольких уездов. Так, Шауляйский окружной штаб ЛЛА «Сокалас» (сокол) возглавлял организацию ЛЛА Шауляйского, Тельнайского, Мажейкяйского и Кретингского уездов. Уездный штаб ЛЛА подчинялся окружному штабу, возглавлял и руководил деятельностью волостных вооруженных отрядов «Ванагай» (ястребы) из числа местных жителей по принципу структурного построения бывшей литовской армии. Количество взводов, рот и батальонов в каждой волости зависело от числа участников. На основании приказа Шауляйского окружного штаба «Сокалас», в подразделениях «Ванагай» создавались диверсионно-террористические группы (от взвода — 3—5 человек, от батальона или роты — взвод), на которые возлагались задачи совершения терактов. Тельнайский уездный штаб ЛЛА «Воверис» (белка) в своем составе имел отделы связи, пропаганды, разведки и хозяйственный отдел. Деятельность боевых отрядов ЛЛА была организована по армейскому принципу: принятие присяги, подчинение статьям устава, по возможности ношение военной формы (в основном старой литовской армии), были введены командные должности и знаки различия.

В период наступления Красной армии основной задачей ЛЛА стала борьба с отступающими немецкими частями с целью не допустить разграбления государственного имущества республики. Кроме того, руководство «освободительной армии» стремилось вооруженным путем воспрепятствовать захвату польскими подпольными формированиями г. Вильно и Виленской области. С приходом Красной армии ЛЛА переориентировалась на борьбу против советской власти: вооруженная борьба за создание независимой Литвы, противодействие арестам и депортациям лиц литовской национальности, осуществление терактов над советско-партийным активом, проведение активной агитации, направленной на срыв мобилизации в Красную армию и проводимых советской властью хозяйственных и политических мероприятий.

С июля по октябрь 1944 г. выступления повстанцев были слабо организованными. Руководством ЛЛА предусматривались объединение всех дезорганизованных отрядов, принятие ими присяги, установление связи между ними и создание новых отрядов в тех

Й. Жемайтис

А. Раманаускас

местах, где их еще не было, а также организация скрытой борьбы против НКВД и местных сотрудников администрации. Командирам «Ванагай» особо рекомендовалось без указаний штаба не проводить боевых операций против тех частей Красной армии, которые не имели задач на ведение борьбы против повстанцев. Не разрешалось также без приказа разрушать коммуникации и военное оборудование, если этого не требовала обстановка, связанная с обеспечением безопасности отряда. Более того, в приказе содержалось требование помогать войскам Красной армии, вступившим на территорию Литвы, но списки руководителей ЛЛА, личного состава и оружие передавать запрещалось⁴⁷.

В приказе главного штаба ЛЛА № 4 от 10 декабря 1944 г. перед ее командирами ставились другие задачи: «Объединить все вооруженные силы, действующие в стране, и уже объединенными силами вести активную подпольную работу против большевистского террора. При падении оккупационного режима и разгрома Красной Армии перейти в открытую борьбу, мобилизуя для этой цели весь народ»⁴⁸. Для выполнения поставленных задач главный штаб дал указание запугивать местную администрацию, милицию и отдельных активистов и держать их в напряжении, чтобы под угрозой смерти они не могли добросовестно выполнять свои обязанности. Убирать следовало только самых убежденных «сторонников Москвы».

Следуя этим указаниям, формирования Литовской освободительной армии с декабря 1944 г. активизировали свою подрывную деятельность. Весной 1945 г. общая численность повстанцев достигла 30 тыс. человек. Однако, несмотря на все попытки, националистам так и не удалось добиться полной централизации движения (первое крупное совещание командиров повстанческих округов состоялось лишь летом 1946 г.). Движение продолжало носить в основном разрозненный характер, отличалось большой автономией различных отрядов и их независимостью от руководящего центра. Сопротивление выражалось в форме террористических актов по отношению к партийным и советским работникам на местах, пропагандистам и агитаторам, ответственным за проведение коллективизации, рядовым литовцам, заподозренным в сотрудничестве с новыми властями.

Благодаря активным действиям, а также из-за слабости советских органов власти на местах ЛЛА удавалось в 1944–1945 гг. держать под своим контролем целые районы, особенно в южной Литве. На востоке, в Латгалии, действовала организация Объединение защитников Отечества (партизан) Латвии (ОЗОПЛ) общей численностью около 2 тыс. человек под руководством ксендза А. Юхневича. Север республики находился под влиянием Национального объединения партизан Латвии (НОПЛ), насчитывавшего свыше 1200 человек. В Курляндии (западная часть Латвии) хозяйничала созданная германской разведкой и оставленная в подполье для проведения подрывной работы организация «СС Ягдфербанд Остланд». Во главе ее находился штаб, в волостных центрах и крупных населенных пунктах Курляндии организацией были созданы диверсионно-террористические группы численностью 20–30 человек каждая. В г. Кулдига в «СС Ягдфербанд Остланд» насчитывалось до 100 участников⁴⁹. Организация была укомплектована членами латышских формирований, входивших в состав курляндской группировки немецких войск, участниками военно-фашистской организации «Айзсарги», полицейскими и немецкими пособниками. Подавляющее большинство из них прошло подготовку в германских разведывательных школах и на специальных курсах при штабе Латышского легиона СС.

После разгрома курляндской группировки немецких войск, из имевшихся при штабе «СС Ягдфербанд Остланд» трех взводов были сформированы диверсионно-террористические группы численностью 10–15 человек, направленные в ряд уездов Латвийской ССР для связи с действующими там вооруженными бандами и активизации их диверсионно-террористической и антисоветской деятельности⁵⁰. На базе «СС Ягдфербанд Остланд» также было создано вооруженное формирование, в составе которого насчитывалось до 150 диверсионно-разведывательных групп, включавших 2 тыс. человек⁵¹. В Курляндии также действовали бандгруппы, именовавшие себя «Орлы Отечества» и Организация национальных партизан.

В середине 1944 г. по согласованию с германской разведкой была восстановлена организация «Латвияс Сарги», члены которой делились на активных и пассивных. Активные, составлявшие основную боевую часть организации, называлась «Изласес Виениба» («Отборная часть»). Всего было создано 17 отборных боевых групп, которыми руководил оперативный штаб. Боевые группы предназначались для подготовки диверсионно-террористических актов в советском тылу, для чего члены боевых групп обучались владению всеми видами оружия, тактике партизанской борьбы. Пассивные члены организации использовались как пособническая база для организации снабжения и сбора необходимой для деятельности активных членов разведывательной информации. В сентябре 1944 г. к «Латвияс Сарги» присоединился ряд мелких националистических формирований — «Лачплесис», «Таутас Болс», «Латвиетис», «Бривибас Цинитаи» и другие. После вступления на территорию Латвии советских войск большинство боевых групп отступило вместе с немецкими войсками на территорию Курляндии, где участвовало в боевых действиях до конца войны.

В Латвии создание вооруженных формирований проходило по двум основным направлениям. В первом случае их ядром стали диверсионные группы, подготовленные немецкими спецслужбами для деятельности в советском тылу⁵². Наиболее известные из них — группы «Лесные кошки» и «Охотники». Это были хорошо вооруженные и обученные отряды, однако большинство повстанческих формирований возникало стихийно, рекрутируя свой состав главным образом из лиц, уклонявшихся от мобилизации в Красную армию⁵³. Наиболее широкое националистическое движение развернулось в Абренском, Лудзенском, Резекненском, Илукстском, Даугавпилском, Екабпилском, Тукумском, Талсинском, Мадонском, Валском, Кулдигском и Вентспилском уездах⁵⁴. Немцы вооружили и обучили значительное количество членов националистических организаций, что облегчало их подготовку к вооруженной борьбе с советской властью. В отличие от украинских националистов латышские изначально действовали небольшими группами по 10–20 человек. Только в двух документах говорится об отрядах в 150 и 270 человек. Методы борьбы совпадали — на первом месте стоял террор по отношению к представителям советской власти.

Литовские «лесные братья»

Бывший помощник офицера разведоргана абверштелле «Остланд» Г. В. Хеннинг на следствии показал: «Зимой 1944 г. в Ригу, в «Абверштелле Остланд» приехал начальник 2-го управления абвера при верховном главнокомандовании вооруженных сил Германии полковник Фраймаг фон Лоринговен⁵⁵, который дал начальнику «Абвера-2» «Абверштелле Остланд» полковнику Гребе приказание приступить к созданию тайных складов с оружием на всей территории Прибалтики. После отъезда фон Лоринговена со всех армейских складов группировки «Норд» стали свозить оружие русского образца в местечко Ульброк, где это оружие приводилось в порядок, после чего оно упаковывалось и вывозилось в распределительные склады, а оттуда — к местам закладок. Работа по созданию тайных складов в Прибалтике закончилась: в северной части Латвии — в начале июля 1944 г., в Курляндии — 10 июля, в Эстонии — в середине августа 1944 г.».

Так же, как в Латвии и Литве, с началом войны в Эстонии развернулось повстанческое движение. Свою деятельность «лесные братья» проводили в координации с немецкими диверсионными группами, а впоследствии — с немецкими войсками. Отдельные лица и группы «лесных братьев» вступали в ряды германской армии⁵⁶. Так, с началом боевых действий на территории Эстонии в республику была заброшена диверсионная группа «Эрна», сформированная из эстонцев, проходивших службу в Финляндии. Возглавлял ее агент абвера полковник А. Кург. На территории Эстонии к ней присоединились лица, скрывающиеся в лесах от мобилизации в Красную армию, и численность отряда достигла 2 тыс. человек.

В городах действовали подпольные антисоветские организации, осуществлявшие разведывательную и диверсионную работу, а при приближении немецких войск переходившие к открытым вооруженным выступлениям. Подобные выступления, в частности, имели место в городах Вильянди и Тарту⁵⁷.

В первые дни немецкой оккупации в Эстонии была воссоздана организация «Кайтсели-ит», вскоре расформированная, а 2 августа 1941 г. на ее базе с разрешения немецких властей создана антисоветская организация «Омакайтсе» («Самозащита», «Корпус самообороны»). Уже к концу 1941 г. в «Омакайтсе» добровольно вступили 43 757 человек. Были созданы женские отряды «Омакайтсе» — «Женская защита дома», в задачи которых входило оказание хозяйственной помощи отрядам самообороны. С сентября 1941 г. уездные организации «Омакайтсе» стали делиться на окружные, окружные — на районные, а районные — на волостные. С 5 августа 1942 г. уездные организации переименовали в малевы (дружины). Начальник уездной дружины подчинялся полицейскому префекту, а дружина подразделялась на батальоны и роты. С введением в 1943 г. обязательной службы в «Омакайтсе» ее численность выросла до 65 тыс. человек. В 1944 г. сотрудники немецких спецслужб оказали «Омакайтсе» помощь в создании тайных складов с оружием и боеприпасами для ведения борьбы с советскими войсками.

Помимо «Омакайтсе» на территории республики были созданы и действовали другие националистические организации, наиболее активными из которых были Народный эстонский независимый союз, «Свободная Эстония» и Национальный комитет Эстонии.

Развитие организованных форм повстанческого движения в Эстонии осложнило то, что органами НКВД — НКГБ в ходе освобождения Таллина были захвачены немецкие архивы, где содержалась информация об участниках национальных подпольных организаций, их пособниках и связях. Этот и другие факторы повлияли на деятельность «лесных братьев» в Эстонии — она была разрозненной, а ее активность невелика. В 1945 г. произошло объединение бандгрупп в уездах Лянемаа и Харьюмаа, позднее из объединенных бандгрупп возникла подпольная организация Лига вооруженного сопротивления. Ее цель заключалась в «подготовке вооруженного восстания против советского режима в тот момент, когда Англия и США начнут войну против Советского Союза или произойдет политический переворот в самом СССР»⁵⁸. Активных действий она не вела.

Таким образом, оперативная обстановка на территории СССР в 1941–1945 гг. характеризовалась наличием значительного количества политических организаций, стремящихся создать независимые государства и для этого организовывавших вооруженные формиро-

Эстонские «лесные братья»

вания с целью навязать вооруженное столкновение или поднять вооруженное восстание; большим количеством находящихся на нелегальном положении участников карательных батальонов и легионов СС, служащих полиции, жандармерии, людей, служивших в составе немецко-фашистских войск и других карательных органах; сильным влиянием на население региона представителей церкви, откровенно призывающих к непримиримой борьбе с советской властью, активно использующих при этом догмы националистического характера; преобладание у местного населения воззрений националистического характера вследствие некоторых особенностей исторического развития республик Северного Кавказа, Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии и других регионов. Эти факторы обусловили некоторые успехи руководителей повстанческого движения по созданию вооруженных формирований и их деятельности.

Организация таких формирований на территории СССР была различной, складывалась и изменялась в зависимости от политической обстановки в регионе и под воздействием оперативных ударов со стороны органов государственной безопасности. Вместе с тем для всех таких формирований на территории СССР можно выделить общие черты:

— руководство — глубоко законспирированная группа лиц (лидер), располагающая обширными связями с зарубежными националистическими центрами или спецслужбами иностранных государств и выполняющая их распоряжения и указания;

— доверенные лица руководства, непосредственно планирующие и осуществляющие управление их деятельностью на всех уровнях (край — область — район);

— обширная сеть пособников, а также агентурный аппарат различного назначения, с помощью которых решались не только разведывательные и контрразведывательные задачи, но и обеспечивалось материально-техническое, финансовое снабжение и пропагандистское обеспечение подрывной деятельности;

— подразделения осуществления силовых акций (диверсий, налетов, засад), соответствующим образом вооруженных и экипированных, а также группы всестороннего обеспечения их деятельности (разведки, контрразведки, связи, материального обеспечения и т. д.).

Важнейшим изменением в организационной структуре вооруженных формирований являлся переход с крупных организационных структур на мелкие, более подвижные и менее уязвимые.

Их подрывная деятельность в исследуемый период проводилась по следующим основным направлениям:

— организация террористической деятельности — убийство местных партийных и советских работников, сотрудников НКВД и НКГБ, местных жителей, активно участвующих в общественной жизни;

— организация диверсий с целью экономического ослабления советского строя и дестабилизации обстановки в регионе;

— проведение широкой антиправительственной агитации и пропаганды, направленной на срыв мероприятий органов государственной власти и управления, разжигание национальной розни, распространение клеветнических измышлений о политике советского руководства;

— разведывательная деятельность в интересах иностранных спецслужб.

Целью подрывной деятельности незаконных вооруженных формирований были объекты железнодорожного и водного транспорта, узлы и линии связи, военные и промышленные предприятия, склады, хранилища и другое государственное и общественное имущество, работники и служащие органов государственной власти и управления, сотрудники НКВД, НКГБ и военнослужащие Советской армии, а также местные жители, активно участвующих в общественной жизни.

Формами подрывной деятельности вооруженных формирований являлись диверсия, террор, сбор разведывательных сведений, саботаж и вредительство, проведение налетов и засад. Значительное место отводилось агитации и пропаганде идей национализма и работе по дискредитации мероприятий советской власти. Осуществление бандформированиями подрывной деятельности менялось в зависимости от складывающейся политической и оперативной обстановки.

Основные направления деятельности органов НКГБ — НКВД СССР по борьбе с вооруженным подпольем

Борьба с вооруженным подпольем и его формированиями относилась к деятельности НКВД, в штате которого приказом НКВД СССР от 4 апреля 1941 г. «в целях усиления борьбы со всеми видами политического и уголовного бандитизма на территории СССР» в составе Главного управления милиции (ГУМ) был организован отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ) во главе с Ш. О. Церетели, являвшимся также заместителем начальника ГУМ НКВД СССР.

В связи с тем что с началом Великой Отечественной войны заметно оживилась деятельность антисоветских элементов по всей стране, для организации и координации борьбы с ними приказом НКВД СССР от 30 сентября 1941 г. ОББ ГУМ НКВД СССР был реорганизован в самостоятельный отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ) НКВД СССР во главе с бывшим начальником УНКВД Смоленской области С. А. Клеповым. Отдел состоял из трех отделений: 1-е отделение — Кавказ, Закавказье, Краснодарский край; 2-е отделение — РСФСР, Украина, Карело-Финская ССР; 3-е отделение — Средняя Азия, Казахстан, Дальний Восток.

Отделы по борьбе с бандитизмом были созданы в Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Казахской, Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской ССР, Орджоникидзевском, Краснодарском, Хабаровском, Приморском краях, Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР и Сталинградской области. Отделения по борьбе с бандитизмом были организованы в Украинской и Карело-Финской ССР, Северо-Осетинской, Абхазской, Аджарской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской и Калмыцкой АССР, Красноярском и Алтайском краях, Ростовской, Тамбовской, Новосибирской, Омской и Читинской областях⁵⁹.

На укомплектование подразделений по борьбе с бандитизмом направлялись наиболее подготовленные и опытные сотрудники. В приказе об организации ОББ НКВД СССР указывалось, что при проведении операций по ликвидации формирований, а также задержанию одиночек и дезертиров из Красной армии наркомы внутренних дел республик, начальники УНКВД краев и областей используют истребительные батальоны, войска НКВД и милицию. В целях активизации борьбы с бандитизмом 2 октября 1941 г. был подписан приказ НКВД СССР по ликвидации бандитизма и вооруженных контрреволюционных выступлений в тыловых районах страны. Операции по ликвидации было предписано проводить опытным боевым командирам, чтобы обеспечить минимальные потери личного состава⁶⁰.

Приказом НКВД СССР от 15 мая 1943 г. были утверждены новые штаты, а следующим приказом от 31 мая 1943 г. объявлена штатная расстановка личного состава ОББ НКВД СССР (66 человек): начальник отдела — В. А. Дроздов, его заместители — В. З. Карлин, Н. К. Маричев, М. Т. Руденко и С. Г. Свиринов; 1-е отделение — Азербайджанская, Армянская, Грузинская ССР; 2-е отделение — Чечено-Ингушская, Кабардино-Балкарская, Дагестанская и Северо-Осетинская АССР; 3-е отделение — Казахская, Киргизская, Узбекская, Таджикская и Туркменская ССР; 4-е отделение — Дальний Восток; 5-е отделение — Ставропольский, Краснодарский края, Калмыцкая АССР, Ростовская и Сталинградская области, Украинская ССР; 6-е отделение — Ленинградская, Московская, Калининская, Воронежская, Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Смоленская, Вологодская, Мурманская области, Карело-Финская ССР; 7-е отделение — Западная Сибирь, Урал, Верхняя и Средняя Волга, Центральная полоса РСФСР; 8-е отделение — борьба с дезертирами и уклоняющимися от мобилизации; секретариат ОББ НКВД СССР. Также была утверждена расстановка негласного состава ОББ НКВД СССР в количестве 50 человек: 9-е отделение или отделение разведки ГУББ НКВД СССР во главе с М. В. Офицеровым. В 1943–1944 гг. в составе ОББ НКВД СССР были образованы отделения по обслуживанию спецпереселенцев-калмыков и спецпереселенцев с Северного Кавказа.

С освобождением в 1944 г. западных областей Белоруссии и Украины, а также территории Литвы, Эстонии и большей части Латвии там начинали свою работу органы внутренних дел и государственной безопасности сначала в виде оперативных групп, а затем как вновь организованные наркоматы или управления НКВД и НКГБ. По состоянию на 13 октября 1944 г. в ОББ НКВД республик числилось следующее количество сотрудников, работающих по линии борьбы с бандитизмом вместе с периферийными органами НКВД: в Белорусской ССР — 351 человек (37 человек в аппарате ОББ), в Латвийской ССР — 63 (23), в Литовской ССР — 75 (20), в Украинской ССР — 1710 (48), в Эстонской ССР — 461 (31).

Борьбой с политическим бандитизмом занималось также 2-е управление (контрразведывательное) образованного в 1943 г. НКГБ СССР, борьба с антисоветскими организациями поручалась 3-е управлению НКГБ (секретно-политическое). В целях успешного проведения борьбы с вооруженным подпольем, обеспечения ликвидации его повстанческих формирований и улучшения руководства оперативной работой органов НКВД в целом приказом министра НКВД СССР от 1 декабря 1944 г. на базе отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР было образовано Главное управление НКВД СССР по борьбе с бандитизмом (ГУББ НКВД СССР)⁶¹.

В западных регионах СССР были усилены районные и областные аппараты НКВД — НКГБ, созданы новые; районные отделения НКВД реорганизованы в районные отделы с отделениями по борьбе с бандитизмом при них (по 3–5 человек). Областные аппараты

НКВД были усилены работниками, имеющими опыт по борьбе с повстанческими формированиями⁶². В наркоматах внутренних дел Украины и Белоруссии на базе отделов были созданы управления по борьбе с бандитизмом, во главе которых поставлены руководящие работники центрального аппарата; в областях, где деятельность вооруженных формирований приобрела наибольший размах, начальники УНКВД — УНКГБ были заменены более опытными руководителями⁶³.

В конце сентября 1944 г. НКВД на основе опыта борьбы с повстанческими формированиями принял решение об изменении штатной структуры созданных в мае — июне пограничных отрядов западных округов. Была увеличена численность погранзастав с 32 до 50 человек, маневренных групп — со 150 до 250 человек. Общая штатная численность пограничных отрядов была доведена с 1630 до 1864 человек⁶⁴. Каждый отряд теперь имел 20 линейных и четыре резервные заставы в составе четырех пограничных комендатур, а также получил автотранспорт, что повысило маневренность его подразделений.

В условиях резкого усиления бандитизма в освобожденных от противника западных областях Украины с целью совершенствования планирования и проведения операций, более рационального использования сил и средств, улучшения взаимодействия между частями и соединениями войск НКВД и Красной армии, органами НКВД — НКГБ и контрразведки Смерш Главным управлением войск НКВД по охране тыла была издана специальная директива. Борьба с бандитизмом определялась как одна из важнейших задач войск НКВД по охране тыла, при этом отмечалось, что операции по ликвидации повстанческих групп в основном проводились успешно, однако при подготовке некоторых операций были допущены ошибки, руководство осуществляли неподготовленные офицеры. Директива предписывала обратить серьезнейшее внимание на предварительную тщательную подготовку каждой операции по борьбе с бандитизмом, составлять план операции, в котором предусматривать: силы и средства, задачи, руководство (конкретные лица), вопросы разведки, взаимодействие внутри части и с частями Красной армии, органами НКВД — НКГБ, ГУКР Смерш и местными советскими парторганами, материальное обеспечение, ход операции и другие вопросы, вытекающие из условий конкретной обстановки. Каждый случай провала операции, неумелых действий личного состава, факты недостойного поведения при боевых столкновениях тщательно расследовать и виновных привлекать к строгой ответственности, вплоть до предания суду военного трибунала.

Для борьбы с повстанческими формированиями украинских националистов были приняты экстренные меры. В дополнение к имевшимся четырем бригадам внутренних войск НКВД (10 тыс. человек) и четырем пограничным полкам по охране тыла (4 тыс. человек) в Ровенскую и Волынскую области были направлены две дивизии, четыре бригады, кавалерийский полк и танковый батальон войск НКВД общей численностью 28 тыс. человек. Для организации на местах необходимых оперативных мероприятий на Украину были командированы заместители наркома внутренних дел С. Н. Круглов и И. А. Серов с группой квалифицированных работников НКВД — НКГБ. Было создано семь оперативных войсковых групп, которые сразу же приступили к выявлению и ликвидации банд⁶⁵.

9 октября 1944 г. Л. П. Берия и В. Н. Меркулов подписали совместный приказ НКВД СССР и НКГБ СССР «О мероприятиях по усилению борьбы с оуновским подпольем и ликвидации вооруженных банд ОУН в западных областях Украинской ССР», которым руководство этой агентурно-оперативной работой в УНКВД — УНКГБ Львовской, Станиславской, Дрогобычской и Черновицкой областей Украины было возложено на наркома внутренних дел Украинской ССР комиссара государственной безопасности 3 ранга В. С. Рясного, а его помощниками назначены нарком государственной безопасности Украинской ССР комиссар государственной безопасности 3 ранга С. Р. Савченко и начальник погранвойск НКВД Украинского округа генерал-майор П. В. Бурмак. Руководство агентурно-оперативной работой по борьбе с оуновским подпольем и вооруженными бандами ОУН в УНКВД — УНКГБ Ровенской, Волынской и Тернопольской областей УССР было возложено на заместителя НКВД Украинской ССР генерал-лейтенанта Т. А. Строкача, в помощь которому назначены

заместитель НКГБ УССР комиссар государственной безопасности Д. И. Есипенко и начальник ВВ НКВД Украинского округа генерал-майор М. П. Марченков.

Руководству НКВД и НКГБ Украинской ССР было приказано: усилить меры репрессий в отношении членов семей активных участников оуновских организаций и банд как арестованных или убитых, так и находящихся на нелегальном положении (выселение в отдаленные районы страны и конфискация имущества); лиц, уклоняющихся от мобилизации в Красную армию, после задержания направлять для проверки в спецлагеря НКВД; в работе по ликвидации оуновских организаций и банд наряду с агентурно-осведомительной работой широко практиковать привлечение местного населения, для чего создать при участковых уполномоченных милиции вооруженные группы содействия, вовлекая в эти группы честных советских граждан из числа членов семей военнослужащих Красной армии, местного партийно-советского актива и лиц, пострадавших от оуновских банд. Также требовалось регулярно информировать о ходе борьбы с вооруженным подпольем и ликвидации вооруженных банд ОУН первого секретаря ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущева и первых секретарей обкомов КП(б)У западных областей УССР.

Указанным приказом ОББ НКВД Украинской ССР был реорганизован в Управление по борьбе с бандитизмом (УББ), которое возглавил (по совместительству) заместитель НКВД УССР, бывший начальник Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкач.

Штаб Украинского пограничного округа во второй половине 1944 г. также направил несколько указаний, касающихся борьбы с ОУН — УПА, в том числе «Об усилении борьбы с бандами УПА в погранполосе», «О пассивных действиях начальников 2-го, 98-го погранотрядов по ликвидации банд на своих участках», «Об улучшении качества работы по поиску и ликвидации банд УПА» и другие⁶⁶.

Для усиления работы органов НКВД — НКГБ в западных областях Украинской ССР существовавшие районные отделения НКВД — НКГБ были реорганизованы в районные отделы, а при них созданы отделения по борьбе с бандитизмом. В распоряжение НКВД — НКГБ Украинской ССР из НКВД СССР и НКГБ СССР откомандировывались по 250 опытных оперативных работников, одновременно направлялись по 50 опытных сотрудников «для замены начальников райотделов НКВД и НКГБ западных областей УССР, не отвечавших своему назначению». Для улучшения следствия по делам арестованных участников антисоветского подполья и главарей банд были созданы специальные следственные группы. Начальники управлений НКВД западных областей УССР должны были о проводимых мероприятиях по борьбе с оуновским подпольем и вооруженными бандами систематически информировать первых секретарей соответствующих обкомов партии.

Аналогичные мероприятия были проведены и в западных областях Белоруссии. Приказом НКВД — НКГБ СССР от 12 октября 1944 г. ОББ НКВД Белорусской ССР были реорганизованы в управления по борьбе с бандитизмом. Общее руководство работой УНКВД — УНКГБ Барановичской, Молодеченской, Гродненской, Пинской и Брестской областей поручалось наркому внутренних дел Белоруссии С. С. Бельченко. В распоряжение НКВД Белорусской ССР из НКВД СССР и НКГБ СССР откомандировывались 200 опытных оперативных работников и 50 сотрудников — для комплектования подразделений по борьбе с бандитизмом в райотделах. В Белоруссию было направлено 13 полков войск НКВД общей численностью 18 890 человек. На Белостоцкой и Брест-Литовской железных дорогах в распоряжение командира 14-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог дополнительно к двум бронепоездам направлялись один батальон (350 человек), 30-й и 56-й бронепоезда войск НКВД, каждому из которых придавалась маневренная группа по 100 человек, также НКВД Белорусской ССР дополнительно выделялись 60 грузовых автомашин и пять автомашин «виллис». Для организации работы и оказания практической помощи в Белоруссию выезжал заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов.

16 декабря 1944 г. В. Н. Меркулов и С. Н. Круглов подписали совместный приказ НКГБ СССР и НКВД СССР, которым в целях усиления агентурно-оперативной работы органов НКГБ — НКВД на территории Литовской ССР были организованы девять оперативных

секторов: Вильнюсский, Каунасский, Шауляйский, Паневежский, Мариямпольский, Алитусский, Тельпайский, Утенский и Кедайнский. Перед сотрудниками органов НКГБ — НКВД стояла задача по выявлению, изъятию и полному разгрому антисоветских литовских и польских националистических организаций: изъять оружие и нелегальную технику, а также ликвидировать бандитские шайки, дезертиров Красной армии, лиц, уклонявшихся от призыва в Красную армию, обеспечить арест скрывавшихся в уездах Литовской ССР немецких солдат и офицеров.

Руководство работой по борьбе с вооруженными формированиями поручалось наркому внутренних дел Литовской ССР И. М. Барташунасу. Штат отдела по борьбе с бандитизмом республиканского наркомата был увеличен на 15 человек, на местах в уездных отделах НКВД было разрешено создавать отделения, дополнительно выделялись 30 грузовых автомашин, две автомашины «виллис», 24 радиостанции типа «Белка» и соответствующее количество радиостов, а также на три месяца прикомандировывались 35 опытных оперработников.

Следующим шагом по укреплению периферийных органов НКГБ Литовской ССР стала организация в 159 центрах волостных оперативных пунктов, подчиненных соответствующим уездным отделам. На укрупнение органов НКВД — НКГБ Литовской ССР были направлены свыше 800 оперативных работников из других областей СССР и приданы 11 полков пограничных и внутренних войск НКВД. Одновременно НКВД СССР выступил с предложением выселить около тысячи семей активных участников вооруженных формирований. На Литовской железной дороге в распоряжение командира 14-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог дополнительно к уже имевшемуся бронепоезду был направлен учебный бронепоезд войск НКВД с приданной маневренной группой из 100 человек. Для координации работы по борьбе с бандитизмом в Литву выезжали заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов и нарком госбезопасности БССР Л. Ф. Цанова.

Для оказания помощи в организации оперативной и следственной работы на территории Латвии и Эстонии в распоряжение органов НКВД — НКГБ республик были направлены опытные оперативные работники и следователи из других регионов СССР. Так, в Латвию в январе 1945 г. командировались 118 оперативных работников и 15 следователей НКГБ СССР из различных республик и областей Советского Союза⁶⁷. ГУББ НКВД СССР направлял в Эстонию 16 оперативных работников руководящего звена, которые оказывали помощь отделам на местах в течение 897 и 1089 рабочих дней соответственно⁶⁸.

В декабре 1944 г. появилась еще одна специальная структура — штаб для оперативного руководства войсковыми операциями по подавлению повстанческого движения в Прибалтике во главе с начальником внутренних войск НКВД Прибалтийского военного округа генерал-майором Головко.

Особое внимание руководством НКВД и НКГБ СССР уделялось воспитанию и обучению оперативного состава чекистских подразделений республик. К работникам органов государственной безопасности предъявлялись высокие требования, прежде всего добросовестное отношение к служебному долгу, дисциплине, строгому соблюдению законности.

Для повышения оперативного мастерства сотрудников органов государственной безопасности в борьбе с бандитизмом и обмена опытом в работе в ноябре 1943 г. в Москве проводилось оперативное совещание с начальниками отделов по борьбе с бандитизмом управлений НКВД Московской, Ленинградской, Калининской, Орловской, Курской, Воронежской, Тульской, Рязанской, Ивановской, Ярославской и Смоленской областей. В декабре 1943 г. и первой половине 1944 г. вызывались с докладами и инструктировались по вопросам работы 17 начальников отделов по борьбе с бандитизмом из других краев и областей.

В республиканских центрах западных регионов СССР (Минск, Львов, Вильнюс, Рига, Таллин) и на местах регулярно проводились совещания, на которых осуществлялся разбор характерных дел по разработкам конкретных повстанческих организаций. Такая форма обучения оперативного состава при большом дефиците сотрудников низшего и среднего звена являлась выходом из создавшегося положения, так как напряженная оперативная обстановка не позволяла посылать сотрудников на учебу на длительные сроки.

Внимание к подбору и обучению оперативных работников не было случайным, так как в их руках находилось основное средство борьбы с повстанческими формированиями — агентурный аппарат. Изучение состояния агентурного аппарата, использовавшегося органами государственной безопасности по линии борьбы с бандформированиями в 1944–1945 гг., показало, что он не отвечал требованиям времени как по количественному, так и по качественному составу. Так, например, в западных областях Украины при наличии 2859 организаций и вооруженных формирований сепаратистов агентурный аппарат на 1 января 1945 г. включал: резидентов — 45, агентов — 725, осведомителей — 5628. Из этого числа в вооруженных формированиях агентов не было⁶⁹.

Такое положение объяснялось рядом причин:

— практически отсутствовала агентура, которая могла быть использована в разработке бандформирований, так как после освобождения республик Прибалтики, Украины и Белоруссии органы государственной безопасности еще не успели провести необходимую целевую вербовочную работу;

— имевшаяся агентура была не подготовлена и не ориентирована на разработку подпольных организаций и их вооруженных формирований;

— отсутствовала агентура из участников подполья и их пособников;

— большая часть из имевшейся агентуры не проявляла активности в разработке вооруженных формирований, боясь быть заподозренной в связях с органами НКВД — НКГБ и подвергнуться террору со стороны повстанцев.

Органам государственной безопасности в трудных условиях оперативной обстановки 1944–1945 гг. необходимо было практически заново создать специфический агентурный аппарат, с помощью которого в самые короткие сроки ликвидировать подпольные организации и бандформирования националистов. Следует отметить, что в этот период оперативным составом НКВД — НКГБ с целью внедрения в вооруженные формирования агентов осуществлялось большое количество вербовок. Так, при проведении чекистско-войсковой операции по очистке Пинской, Брестской, Ровенской и Волынской областей Украины и Белоруссии от банд ОУН — УПА в ходе работы по приобретению агентуры с 15 по 20 января 1945 г. органами НКВД — НКГБ в Брестской области были завербованы девять резидентов, 18 агентов-внутренников, 68 агентов-маршрутников, 544 осведомителя; в Пинской области — семь резидентов, 44 агента-внутренника, 29 агентов-маршрутников и 525 осведомителей⁷⁰.

Но в большей степени решить задачу приобретения агентов помогло характерное стремление подполья вовлечь в 1944–1945 гг. в свои организации максимальное количество участников. Этот фактор был использован органами безопасности для внедрения своей агентуры и позволил им в короткие сроки создать работоспособный агентурный аппарат в среде сепаратистского движения. Создание агентурного аппарата в короткие сроки имело как положительные, так и отрицательные стороны.

В качестве положительного можно отметить следующее: агентура информировала органы государственной безопасности о планах и намерениях руководителей подпольных организаций, местах их дислокации, количественном составе, вооружении и пособнической базе; с ее помощью проводились оперативные мероприятия по разложению политических организаций и бандформирований националистов, распространялись листовки и слухи для создания в среде подполья атмосферы недоверия, антагонизма и подозрительности; подводились под оперативный удар бандформирования, их участники склонялись к явке с повинной.

Однако не было учтено то, что агентура, предназначавшаяся для борьбы с подпольем, отличается от агентуры, использовавшейся по другим направлениям оперативной деятельности органов безопасности. Специфика агентуры этой категории заключалась в том, что хоть она и приобреталась в основном из лиц, лично не имевших никакого отношения к повстанцам, но через обширные родственные связи во многом от них зависела. Решая задачу насыщения агентурой вооруженных формирований, органы безопасности внедряли в вооруженное подполье лиц, которые в большинстве своем по личным качествам и степени подготовки были непригодны для его разработки и, как правило, становились на путь предательства.

Сюда же можно отнести и то, что на нелегальное положение переводились непроверенные агенты и лица, в отношении которых имелись серьезные компрометирующие материалы. При разработке конкретных вооруженных формирований тех или иных подпольных организаций имели место случаи несогласованности выполнения мероприятий, проводившихся отдельными подразделениями органов НКГБ — НКВД, что влекло за собой ненужную трату средств и времени, а порой и срыв самих планов ликвидации повстанческих групп. Недостаточно квалифицированное руководство действиями агентуры со стороны оперативных работников, которые применяли некоторые «вольности»: прием агентов в зданиях районных отделов НКВД — НКГБ; вызов агентов на встречу вместе с другими гражданами в помещения сельсоветов; посещение квартиры агента под видом проверки документов или обыска; использование для вызова местных жителей и бойцов истребительных батальонов; прибытие на место конспиративной встречи на автомобиле или подводе одного из местных жителей.

Допущенные просчеты в работе с агентурным аппаратом позволили руководителям повстанческих формирований раскрыть формы и методы работы органов безопасности и создать эффективную систему противодействия проникновению агентуры органов НКВД — НКГБ в свои ряды. Так, в изъятых органами безопасности инструкции ОУН «Агентура НКВД — НКГБ в действии» говорилось, что «эти формы и виды в значительной мере стандартны и дают познать их методы работы», и указывались действенные меры по усилению конспирации и ограждению организаций от провала⁷¹.

В целом при должной организации работы с агентами органы НКВД — НКГБ достигали значительных успехов. Хорошо подготовленная и осуществленная вербовка агентов, их умелое использование позволяли органам безопасности в сравнительно короткие сроки, без больших затрат и человеческих жертв ликвидировать крупные вооруженные формирования, захватывать руководителей и активных участников подполья.

Специфическим и действенным мероприятием органов безопасности в ходе борьбы с участниками вооруженных формирований являлось использование агентов-боевиков и специальных (агентурно-боевых) групп. Деятельность агента-боевика была в достаточной степени эффективной, однако особое распространение получило использование спецгрупп, что объясняется их более широкими агентурными и боевыми возможностями. К примеру, для повышения эффективности борьбы органами МГБ Украины было создано 33 специальные (агентурно-боевые) группы, с участием которых удалось ликвидировать 620 человек и 220 формирований. Ряд главарей был скомпрометирован перед участниками националистического подполья через агентуру и впоследствии уничтожен ими самими, в том числе члены краевого «провода» ОУН Терешко, Чуб, надрайонный руководитель («проводник») Грицко и другие.

Агентурно-боевые группы действовали в основном под видом небольших бандгрупп (3–12 человек), комплектовались из завербованных участников подполья, проверенных в практической работе с органами безопасности. Руководителем группы назначался оперативный работник. Так, спецгруппа «Хмары» была сформирована из бывших партизан и легализованных бандитов численностью в 50 человек, для проведения агентурной работы в группу был включен работник НКВД УССР старший лейтенант Кашеев. В январе — феврале 1945 г. группа ликвидировала 54 участника ОУН — УПА⁷². В республиках Прибалтики во главе групп, как правило, стояли опытные и проверенные агенты.

В зависимости от оперативной обстановки задачами агентурно-боевых групп являлись: проверка агентурных данных в отношении лиц, причастных к повстанческим формированиям, установление их положения в организации, выявление организационных связей и мест укрытия этих связей; реализация агентурных и следственных данных по захвату руководителей, участников подполья и ликвидации повстанческих групп; получение показаний от выявленных участников подполья путем их допросов от имени СБ или вышестоящих звеньев организации; склонение неустойчивых участников подполья к явке с повинной или организация им негласных встреч с оперативными работниками с целью вербовки и использования в качестве агентов-внутренников; проверка и установление фактов двурушничества агентов органов НКВД — НКГБ, их розыск, захват или ликвидация.

Использование специальных агентов и спецгрупп показывает, что их деятельность не была направлена лишь на физическое уничтожение отдельных групп и одиночек. Они способствовали разложению вооруженного подполья, создавали атмосферу подозрительности и недоверия в его среде, боязнь не только объединяться, но и встречаться с участниками незнакомых групп. Отмечались случаи расправы над боевиками подполья, которые были необоснованно заподозрены в связях с органами государственной безопасности. Это вынуждало уцелевших участников разгромленных повстанческих формирований скрываться в одиночку или сдаваться властям.

Важным условием работы групп являлся постоянный оперативный контроль над ее членами. В этих целях из числа агентов-боевиков и их ближайшего окружения приобретались негласные источники, а при наличии возможностей осуществлялись оперативно-технические мероприятия. В район деятельности спецгруппы направлялся офицер по связи, который отвечал за снабжение и осуществлял общее руководство. Его обязанности мог исполнять начальник местного органа государственной безопасности, на территории которого действовала спецгруппа.

Использование спецгрупп показывает, что почти всегда контакт с членами вооруженных формирований или одиночками спецгруппы устанавливали при посредничестве их пособников. Прежде чем пойти на контакт со спецгруппой, они тщательно изучали ее состав, действия и поведение. Особенно тщательной проверке группы подвергались после ряда ударов по вооруженным формированиям со стороны органов государственной безопасности.

В связи с этим большое значение имели вопросы экипировки, вооружения и поведения членов спецгрупп. Спецгруппы вооружались аналогичным с участниками повстанческого движения оружием, имевшим подержанный внешний вид. Например, в Курляндии группы имели немецкие штурмовые автоматы и другое трофейное оружие, так как банды там вооружались за счет оставшегося после войны немецкого оружия. В восточных же районах республики вооружение групп оружием иностранных образцов исключалось, поскольку банды в этих районах имели оружие советского производства. Одежда и внешний вид агентов также не должны были отличаться от экипировки членов банд. Для достижения этого агенты-боевики, действовавшие в Курляндии, одевались в форму бывших немецких солдат и офицеров. Это обосновывалось тем, что в составе вооруженных групп имелось значительное количество бывших легионеров, носивших форму немецкой армии.

В целях правдивости легенды о том, что спецгруппа является «партизанским» отрядом, исключалось пользование ее участниками предметами и продуктами, которые не были доступны бандитам. Имела значение даже такая, казалось бы, незначительная деталь, как запах одежды участников спецгруппы. Группа, недавно прибывшая в район, прежде чем установить контакт с пособником и тем более пойти на встречу с представителями вооруженных групп, должна была обязательно «обкуриться» дымом костра, чтобы приобрести «лесной запах». Несоблюдение этих правил приводило к расшифровке групп.

Главной силой органов государственной безопасности в борьбе с вооруженными формированиями являлись Внутренние войска НКВД, развернутые на территории западных областей Украины, Белоруссии и в республиках Прибалтики. Необходимость ведения решительной борьбы с крупными вооруженными формированиями сепаратистского движения потребовала значительных сил. Войска округов ВВ НКВД усиливались за счет переброски войск НКВД из других округов, в основном Северо-Кавказского. Например, с Северного Кавказа на территорию западных областей Украины были переброшены 19, 20, 21, 22-я бригады, части 16-й и 17-й бригад, 9-я и 10-я дивизии, которые дислоцировались крупными гарнизонами в районных центрах.

Согласно указаниям начальника Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии генерал-майора В. С. Горбатюка «Об организации борьбы с бандами УПА» от 21 февраля 1944 г. личному составу войск предписывалось:

— организовать взаимодействие с органами НКВД — НКГБ и органами контрразведки Смерш в работе по выявлению и ликвидации банд УПА;

— создать активно действующий агентурный аппарат для вскрытия организаций и ячеек ОУН, каналов их связи с бандами УПА и розыска этих банд;

— непосредственно участвовать в разработке планов совместных операций по ликвидации выявленных банд УПА, включая в состав разведывательно-поисковых групп, истребительных групп или истребительных отрядов офицеров разведки, подготовленных для борьбы с украинскими националистами;

— организовать и силами офицеров разведки провести специальные беседы с личным составом войск по ознакомлению с деятельностью ОУН — УПА в тылу Красной армии;

— совместно с начальниками штабов войск разработать тактические приемы борьбы с бандами УПА и обучить этим приемам офицерский состав внутренних войск⁷³.

Основной формой деятельности внутренних войск весной и летом 1944 г. стали чекистско-войсковые операции по поиску и ликвидации вооруженных формирований одновременно на большой территории (во многих случаях они совпадали с операциями по очистке тыла фронтов и армий). Задача операций заключалась в их ликвидации с целью обеспечения в тылу твердого порядка, безопасной работы тыловых учреждений, местных партийных и советских органов власти. Способами действий войск в таких операциях являлись: перекрытие наиболее вероятных направлений движения, поиск или прочесывание местности, окружение, атака, преследование.

В результате проведенной работы по ликвидации вооруженных формирований УПА и ОУН в первой половине 1944 г. войсками и органами НКВД были уничтожены 16 338 членов УПА и ОУН, взяты в плен — 15 991, явились с повинной — 2549. Кроме того, были выявлены и арестованы 285 немецких агентов, 2922 бывших полицейских, 520 бывших старост⁷⁴.

С 22 по 27 августа 1944 г. в чекистско-войсковой операции по очистке Рава-Русского, Угновского, Магеровского, Немировского и Яворовского районов Львовской области участвовало шесть полков войск по охране тыла 1-го Украинского фронта, пять пограничных отрядов войск Украинского пограничного округа и три полка Красной армии. В результате проведенной операции были уничтожены 11 076 бандитов (в том числе 126 немцев), арестованы 10 892 человека и задержаны 9304 уклоняющихся от призыва в Красную армию⁷⁵.

Основной формой действий войск НКВД в конце 1944 — начале 1945 г. являлись чекистско-войсковые операции, проводимые с учетом меняющейся тактики действий вооруженных формирований. Так, с ноября 1944 г., когда участники подполья перешли на действия небольшими группами, прочесывание районов как основной тактический прием не всегда оправдывало себя. Скоротечность операций (1–2 суток) не давала возможности детально, более внимательно просмотреть все подозрительные места. В этих условиях внутренними войсками активно применялся метод повторного прочесывания. Наиболее ярким подтверждением целесообразности подобных действий является операция, проведенная 21 декабря 1944 г. подразделениями 17-й стрелковой бригады внутренних войск. В ходе первого прочесывания села Дулибы Дрогобычской области были захвачены 25 человек. Считая, что операция уже закончилась, и не ожидая повторного прочесывания, здесь стали сосредотачиваться группы из других сел. На другой день операция повторилась, и в результате были обнаружены и захвачены еще 150 человек⁷⁶.

В результате деятельности войск и органов НКВД на Западной Украине в 1943–1945 гг. были проведены 39 773 операции и засады, в ходе которых убиты 103 312 и задержаны 225 339 участников вооруженных формирований и их пособников, явились с повинной 88 692 человека, изъято 69 137 единиц оружия⁷⁷.

В период с сентября по декабрь 1944 г. войска Украинского пограничного округа осуществили 476 специальных боевых операций, из них 123 против крупных подразделений УПА. Для проведения 37 операций привлекались по два-три пограничных отряда и части внутренних войск. Ряд операций был проведен на территории Польши совместно с польскими частями⁷⁸. Войска Прикарпатского пограничного округа с октября 1944 по февраль 1945 г. провели 158 специальных боевых операций, в ходе которых были уничтожены 5544 и задержаны 2980 человек⁷⁹.

В ходе проведения чекистско-войсковых операций с сентября 1944 по 1 ноября 1945 г. внутренние войска и органы НКВД — НКГБ на территории Эстонии ликвидировали 11 антисоветских националистических организаций и 359 групп, связанных с антисоветским подпольем. Были уничтожены 290 и задержаны 5135 человек, из них выявлены 2309 активных участников, 451 пособник, 2064 изменника Родины и 211 членов «Омакайтсе»⁸⁰.

В Литве в 1944—1945 гг. войска и органы НКВД во взаимодействии с органами госбезопасности и отрядами «истребителей» ликвидировали 275 антисоветских формирований, 1219 бандгрупп, связанных с антисоветским подпольем. Потери при проведении операций составили 250 сотрудников милиции, военнослужащих внутренних войск и работников органов НКВД — НКГБ⁸¹.

С разгромом крупных вооруженных формирований в соответствии с постановлением СНК СССР № 43 внутренние войска НКВД были реорганизованы и сокращены. Например, в западных областях Украины численность войск сократилась с 188 387 человек до 100 тыс.⁸² Оставшиеся войска были развернуты в регионе мелкими гарнизонами с подчинением в оперативном отношении начальникам местных органов НКВД — НКГБ. Так, например, после передислокации части 62-й дивизии внутренних войск имели девять ротных, 30 двухвзводных, 46 взводных гарнизонов и шесть взводов, дислоцирующихся при штабах батальонов. Такое размещение войск позволило для ликвидации разрабатываемых органами государственной безопасности конкретных вооруженных формирований создавать чекистско-войсковые группы, действия которых против мелких групп были эффективнее привлечения крупных войсковых формирований. Чекистско-войсковые отряды (группы) возглавлялись оперативными работниками, комплектовались из личного состава войск НКВД и местных активистов, хорошо знающих местность в районе действия вооруженных формирований. Определенной численности такие группы не имели, количество личного состава в них зависело от численности вооруженного формирования, против которого действовали.

В связи с активной подрывной деятельностью вооруженных формирований повстанческого движения в пограничных районах Европейской части СССР на пограничные войска была возложена задача по их ликвидации в пограничной полосе. Для этого привлекались, как правило, маневренные группы погранотрядов. В отдельных пограничных округах были определены части из числа резервных пограничных отрядов, которые привлекались к ликвидации вооруженных формирований. Например, в западных областях УССР для борьбы с формированиями ОУН — УПА были выделены 42, 104, 111 и 112-й резервные пограничные отряды⁸³.

При проведении операции в пограничной полосе и прилегавших районах пограничники информировали начальников РО НКВД — НКГБ и действовали самостоятельно. Во многих случаях пограничники также взаимодействовали с военными комендатурами, выставленными на освобожденной территории сопредельных государств, а когда возникала необходимость, то и с пехотными частями Войска Польского. Последнее было вызвано тем, что группы, действовавшие в Польше, совершали набеги на советскую территорию, и наоборот, чтобы уйти из-под удара органов безопасности, некоторые группы пытались скрыться в Польше. В ряде случаев с польской территории обстреливали наших пограничников и местных жителей, нападали на советские эшелоны и автоколонны. Например, 6 октября 1944 г. вооруженное формирование «Ягода» численностью 500 человек совершила налет на ряд населенных пунктов в пограничной полосе Польши.

В целях сосредоточения общих усилий на ликвидации конкретных формирований, действовавших в приграничных районах Польши и СССР, представители советских военных органов в Польше договорились с высшими польскими военными руководителями о совместных действиях советских пограничных войск и пехотных соединений Войска Польского, выделенных для охраны пограничной линии и борьбы с повстанцами в приграничных районах. На основе такой договоренности заместитель министра обороны Польши генерал-полковник Кочец издал приказ, согласно которому командирам 3, 8 и 9-й дивизий пехоты Войска Польского, дислоцированных в пограничных районах, предписывалось установить

тесную связь с соответствующими командирами погранчастей Советского Союза, организовать с ними обмен информацией о наличии вооруженных групп в погранполосе и взаимное планирование по их ликвидации.

При выдвижении повстанцев на территорию Советского Союза польские командиры должны были немедленно информировать об этом ближайшие части советских пограничных войск, а в случае получения данных от советских погранвойск о преследовании их на польской территории польское командование обязывалось выделять нужное количество сил и средств для совместных действий по их ликвидации. Во избежание боевых столкновений между пограничными нарядами советских и польских погранчастей устанавливались опознавательные знаки и сигналы связи⁸⁴.

Главное управление пограничных войск дало указание командованию Украинского пограничного округа разработать план операции по ликвидации вооруженного формирования «Ягода» совместно с 3-й дивизией пехоты Войска Польского, а также договориться с командованием частей Войска Польского о совместных действиях по уничтожению других националистических формирований на советско-польской границе и получить разрешение советским пограничникам неотступно преследовать их на польской территории. Установление тесного взаимодействия между советскими погранвойсками и польскими войсками способствовало успешной борьбе с националистическими формированиями в приграничных районах СССР и на территории Польши. На территории пограничных районов Польши на-против участков 2, 88, 89, 90 и 93-го советских пограничных отрядов было проведено более 20 совместных специальных операций, в результате которых ликвидировано значительное число вооруженных формирований, в том числе и «Ягода»⁸⁵.

Реорганизация и сосредоточение сил и средств обеспечили проведение целого ряда оперативных ударов по повстанческим формированиям, в ходе которых к середине 1945 г. они были в основном разгромлены. Тем не менее руководителям повстанцев за сравнительно короткий срок удалось восстановить пошатнувшееся положение, провести реорганизацию подчиненных им формирований и осуществить переход к новой тактике ведения подрывной деятельности.

Держать под контролем регионы с традиционно рассредоточенной системой расселения только силами НКГБ — НКВД было невозможно. В этих условиях органами государственной власти большая роль отводилась местному населению. Поэтому сразу же после освобождения западных областей Украины, Белоруссии и республик Прибалтики от немецко-фашистских захватчиков на их территории с санкции ЦК КПСС правительством республик и органами НКВД начали создаваться истребительные батальоны и группы содействия⁸⁶. Формирование истребительных батальонов началось в Литве по распоряжению Л. П. Берии, потом эта практика была распространена на Латвию и Эстонию.

Батальоны формировались из бывших партизан, коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов. Определенной численности батальоны не имели, в каждом уезде она была различна и зависела от политической и экономической значимости уезда в республике и количества в нем вооруженных формирований повстанцев. Истребительные батальоны должны были участвовать в совместных с войсковыми частями акциях против бандформирований, а также заниматься охраной хозяйственных объектов и советских учреждений. Оперативно-служебная деятельность бойцов истребительных батальонов заключалась в следующем: организация засад, секретов, патрулирование населенных пунктов, высылка разведывательно-поисковых групп, производство облав и прочесывания вероятных мест укрытия групп, охрана КПЗ, розыск и задержание дезертиров, конвоирование и охрана арестованных, несение службы по охране районных центров и сел, железных дорог и т. д.

Для управления батальонами были организованы центральные штабы истребительных батальонов в столицах республик, уездные (волостные) штабы под руководством первых секретарей уездных (волостных) комитетов партии. В состав штаба входили: начальник отдела НКВД — НКГБ (МВД — МГБ), командир истребительного батальона, представители партийных и советских органов⁸⁷. Наличие в истребительных батальонах до 85% гражданского

населения, не служившего в рядах Красной армии, серьезно снижало их боевую готовность и мобильность. Например, в Эстонии в батальонах состояло: крестьян — 46,4%, рабочих — 17,8%, служащих — 18,7%, учащихся — 2,2%, демобилизованных военнослужащих — 14,8%⁸⁸.

В целях ликвидации этих недостатков для личного состава батальонов была разработана программа боевой подготовки, которая включала занятия по политической, оперативно-тактической, огневой и строевой подготовке, военной топографии. Общая емкость программы составляла: для лиц находящихся на казарменном положении — 1678 учебных часов, для остального личного состава — 496 часов. Кроме того, предусматривалось проведение десятидневных сборов по основным предметам обучения емкостью 100 учебных часов⁸⁹.

Помимо слабой боевой подготовки существовала проблема ненадежности. Многие записывались в батальоны, стремясь избежать мобилизации в армию, некоторые, получив оружие, уходили в лес. Иногда руководители поручали пособникам вступать в батальоны, чтобы иметь там своих осведомителей. Так, например, боец истребительного батальона Урбанас с августа по декабрь 1944 г. находился в подпольной группе, после чего легализовался и вошел в доверие к местным органам власти. По прямому заданию одного из руководителей подполья Аженса он проник в истребительный батальон Кронского районного отдела НКВД и информировал своего командира о действиях органов НКВД — НКГБ⁹⁰.

Приказом МВД СССР организация и управление истребительными батальонами были изменены: упразднены уездные и главные штабы, батальоны подчинены непосредственно начальнику уездного отдела МВД — МГБ, батальон стал возглавлять начальник штаба батальона, назначавшийся из офицеров этого отдела. При штабе батальона был создан оперативно-маневренный взвод из принятого на постоянную оплачиваемую должность личного состава.

В отличие от регулярных подразделений Красной армии истребительные батальоны имели следующие преимущества: комплектование истребительных батальонов производилось за счет лиц, знающих местные условия и национальный язык; они напрямую подчинялись начальнику районного отдела государственной безопасности, что давало возможность использовать их более оперативно; оперативный состав знал способности и черты характера каждого бойца, что позволяло эффективно использовать их при проведении операций; постоянное обучение личного состава методам борьбы с вооруженными формированиями и непосредственное их участие в операциях способствовали приобретению ими нужного опыта. Эти преимущества определили широкое использование истребительных батальонов в республиках. Они были созданы почти в каждом районе. Всего к 1946 г. на учете органов МГБ состояло около 2 тыс. хорошо вооруженных истребительных батальонов, насчитывавших более 70 тыс. человек.

Группы содействия истребительным батальонам также рассматривались как форма вовлечения местного населения в борьбу с повстанцами. Это были территориальные формирования, предназначенные для охраны и обороны населенных пунктов, колхозной собственности, государственных объектов и других задач. Боевая подготовка групп содействия была низкой, реальной помощи в борьбе с вооруженными формированиями они оказать не могли. Чаще всего личный состав привлекался в качестве проводников, для охраны и конвоирования арестованных и как осведомители.

В республиках Средней Азии и Казахстане из местных жителей были созданы специальные добровольческие отряды по борьбе с бандитизмом. Так, в Киргизской ССР имелось 42 таких отряда (722 человек), в Таджикской ССР — 70 (1750 человек), в Туркменской ССР — 15 (214 человек).

Одним из направлений деятельности органов безопасности по борьбе с бандитизмом было их участие в осуществлении акций высших органов власти СССР по выселению отдельных народов в отдаленные регионы страны.

В ноябре 1943 г. в роли спецпереселенцев оказались карачаевцы. 12 октября 1943 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР № 115/136, а спустя два дня появилось постановление СНК СССР о выселении карачаевцев в Казахскую и Киргизскую ССР. Выселение намечалось провести в два этапа: в первую очередь из равнинной части, а затем жителей горных районов. В район проведения спецоперации были стянуты значительные

силы: 4500 сотрудников госбезопасности и милиции, 21 754 военнослужащих внутренних войск. Личному составу запрещалось разглашать свою принадлежность к ведомству НКВД. Накануне операции были взяты на учет более 900 карачаевцев, подлежащих аресту. В каждом районе выселения создавался оперативно-войсковой резерв.

Спецоперация началась ночью 2 ноября. К двум часам войска оцепили все аулы, блокировали выездные пути, выставили засады и секреты. С четырех часов утра сотрудники госбезопасности и милиции начали изъятие тех, кто подлежал аресту. В первые дни выселения были арестованы более 1000 карачаевцев. Войскам были установлены минимальные сроки (3–6 часов) для выселения жителей каждого из селений. В ходе проведения арестов имели место случаи оказания сопротивления. В ноябре 1943 г. были депортированы из Карачаевской автономной области в Казахстан и Киргизию 14 774 семьи (68 938 карачаевцев). Дополнительно было выявлено еще 329 карачаевцев, которые также были выселены в районы нового местожительства.

27 декабря 1943 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и подписан указ Президиума ВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». 28 декабря вышло постановление СНК СССР о выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. За месяц до принятия указанных документов И. А. Серов как руководитель спецоперации в КАССР утвердил «Инструкцию о порядке проведения мероприятий по делу «Улусы».

Для выселения 93 139 калмыков в республику были направлены 24 555 военнослужащих внутренних войск, а также около 6100 оперработников милиции и госбезопасности. За сутки до начала выселения вся территория республики была блокирована. За два дня (28–29 декабря 1943 г.) все калмыки были отправлены в Сибирь. В дальнейшем число выселенных дополнили и 4105 военнослужащих-калмыков, демобилизованных из армии в 1944–1945 гг. Были арестованы 750 бандитов и активных пособников немцев.

Калмыков выселили и из Ставропольского края, Ростовской и Сталинградской областей. Для этого был сформирован оперативный штаб. Выселение из указанных районов проводилось по уже отработанной схеме с привлечением 1120 бойцов внутренних войск. Выселение калмыков из Ставропольского края проводилось одновременно с операцией «Улусы». По данным на январь 1944 г., из края были вывезены 1044 человека, для этого привлекались 150 оперработников и 360 бойцов внутренних войск. Из Ростовской области с 20 по 27 марта были отправлены в Новосибирскую и Омскую области 2628 человек. 2–4 июня 1944 г. осуществлялось выселение 1178 калмыков из Сталинградской области.

Подготовка к карательной акции в Чечено-Ингушской АССР была начата еще в ноябре 1943 г. В конце января 1944 г. ГКО принял постановление № 5073 «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР». 13 декабря 1943 г. Л. П. Берия утвердил предложения по вопросу сосредоточения войск в Чечено-Ингушетии.

Для проведения спецоперации выделялись 96 073 военнослужащих внутренних войск, по линии органов госбезопасности и милиции — около 19 тыс. оперативных работников. Доставка личного состава в Чечено-Ингушетию осуществлялась в три этапа. Из-за незначительного количества внутренних войск, дислоцированных на территории Армении и Азербайджана, из указанных регионов были выделены 3850 пограничников. Чтобы не вызвать у местного населения подозрений по поводу концентрации войск в Чечено-Ингушской АССР, по требованию военного руководства 20 января 1944 г. СНК республики и Чечено-Ингушский обком ВКП(б) приняли совместное постановление «Об обеспечении подготовки тактических учений войсковых частей Северо-Кавказского военного округа в горных условиях».

Вся территория Чечено-Ингушской АССР была разделена на четыре оперативных сектора. В каждом из них старшим оперативным начальником являлся офицер органов госбезопасности. На него возлагалась вся ответственность за проведение спецоперации. Его заместителем назначался офицер внутренних войск, который отвечал за подготовку частей к спецоперации. Были сформированы оперативно-войсковые группы, включавшие одного оперработника и двух бойцов внутренних войск. Одна такая группа должна была выселять

четыре семьи. Для проведения арестов легализованных бандитов, фашистских пособников и других антисоветских элементов выделялись специальные опергруппы из расчета одна группа на двух человек, подлежавших аресту.

21 февраля 1944 г. Л. П. Берия подписал приказ о переселении чеченцев и ингушей. На равнинной части территории Чечено-Ингушетии спецоперация началась в два часа ночи 23 февраля 1944 г. К рассвету населенные пункты, в том числе и города, были оцеплены войсками. В ходе выселения были арестованы 2016 человек, изъято 20 072 единицы огнестрельного оружия. Особые трудности войска испытывали при выселении жителей горных селений. В силу большого снегопада и бездорожья в горных аулах Галанчожского района после окончания спецоперации оставались не выселенными 6 тыс. чеченцев.

На 29 февраля были выселены и погружены в железнодорожные вагоны 478 479 человек (91 250 ингушей и 387 229 чеченцев). В этот же день были отправлены специальные эшелоны с бывшими руководящими работниками и религиозными авторитетами Чечено-Ингушетии, которые оказывали содействие Наркомату внутренних дел в ходе подготовки и проведения операции. Выселению подлежали даже те чеченцы и ингуши, кто на фронте с оружием в руках боролся против немецко-фашистских захватчиков. С фронта были отозваны 710 офицеров, 8134 сержанта и рядовых чечено-ингушской национальности.

7 марта 1944 г. последовал указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории», а 22 марта 1944 г. образована Грозненская область в составе РСФСР. Для обеспечения порядка и охраны горных районов создавались четыре оперативные группы, формировались гарнизоны внутренних войск.

Подготовка к выселению балкарцев проводилась одновременно с карательной акцией в Чечено-Ингушетии. В январе 1944 г. состоялось первое предварительное обсуждение вопроса об их депортации. Руководство подготовкой сил и средств к спецоперации возлагалось на генерал-майора И. И. Пияшева. За пять дней до начала карательной акции в республике были сосредоточены 17 тыс. войск и 4 тыс. оперативных работников госбезопасности и милиции. Постановление ГКО от 5 марта 1944 г. обязало Наркомат внутренних дел 25 тыс. балкарцев направить в Казахскую ССР, а 15 тыс. — в Киргизскую ССР. Официальная версия концентрации войск в горных районах заключалась в подготовке к предстоящим учениям. При подготовке к спецоперации в Кабардино-Балкарской АССР были учтены все просчеты, допущенные войсками при выселении чеченцев и ингушей.

Выселение балкарцев началось в ночь с 7 на 8 марта. К рассвету войсковые подразделения и оперативный состав заняли указанные позиции, после чего «оперативные тройки» приступили к изъятию лиц, подлежавших аресту. 11 марта 1944 г. И. В. Сталину была направлена шифровка: «Погружено в эшелоны и отправлено к местам нового поселения в Казахскую и Киргизскую ССР 37 103 балкарца, кроме того: арестовано 478 чел. антисоветского элемента, изъято 288 единиц огнестрельного оружия... Имел место случай обстрела нашей засады бандой из 3-х чел., розыск которой ведется». В места расселения были доставлены 37 044 балкарца. В 1944 г. в республике дополнительно были выявлены 50 балкарцев.

С территории Северо-Кавказского региона наряду с депортированными народами были выселены 3584 представителя других национальностей.

В годы войны депортации подверглись и народы Закавказских республик. Опасения И. В. Сталина, что в случае нападения Турции на СССР жители приграничной зоны юга страны могут оказать оккупантам содействие и поддержку, явились поводом для депортации турок, курдов и хемшинов в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР.

В мае 1944 г. возобновилась получившая свое начало весной 1942 г., но прерванная фашистской оккупацией операция по выселению из прибрежных районов Черноморского побережья и Таманского полуострова социально опасных элементов, а также иноподданных. Дополнительно в план «оперативной зачистки» были включены территории Краснодарского края и Ростовской области. В мае 1944 г. в число «неблагонадежных» были включены все греки, проживавшие с давних пор на указанных территориях.

30 июля 1944 г. ГКО принял постановление о переселении из приграничной полосы Грузинской ССР 86 тыс. турок, курдов и хемшинов. Постановлением Совнаркома и ЦК КП(б) Грузии от 9 августа 1944 г. из приграничных районов Аджарской ССР подлежали выселению 113 хозяйств мусульман.

Результаты борьбы органов госбезопасности с вооруженным подпольем

Деятельность органов государственной безопасности СССР по борьбе с вооруженным подпольем в годы Великой Отечественной войны с учетом особенностей экономического и социально-политического развития страны в военные годы, внутренней политики в области экономики, идеологии, культуры, национальных отношений наряду с внешнеполитической обстановкой обусловила направленность, содержание и масштабы работы органов НКВД — НКГБ — ГУКР Смерш СССР в 1941–1945 гг. Ее можно условно разделить на два периода: первый (июнь 1941–1943 г.) — борьба с повстанческими формированиями в тыловых районах СССР, где участники разгромленных перед войной антиправительственных вооруженных выступлений в связи с начавшейся войной и успехами немецко-фашистских захватчиков на фронте активизировали свою деятельность, организуя группы для ведения повстанческой деятельности; второй (1944 г. — первая половина 1945 г.) — приходится на заключительный период Великой Отечественной войны, когда действующая армия вела боевые действия по освобождению стран Восточной и Центральной Европы, а на советской территории, очищенной от немецко-фашистских захватчиков, развернулась широкомасштабная борьба органов НКВД — НКГБ с вооруженным антисоветским подпольем.

Решительные меры советского политического руководства, во многом успешные действия органов НКВД — НКГБ, внутренних войск, пограничников, войск Красной армии по борьбе с повстанческими формированиями в 1941–1944 гг. в тыловых районах СССР позволили нейтрализовать основные силы повстанцев. За три года войны органами НКВД — НКГБ была ликвидирована 7161 бандгруппа, в которых участвовали 54 130 человек (убиты — 4076, арестованы — 42 529, легализованы — 7525). К середине 1944 г. крупных повстанческих формирований в советском тылу не осталось. Кроме того, на территории западных областей Украины за первую половину 1944 г. удалось ликвидировать 34 878 участников ОУН — УПА (убиты — 16 338, взяты в плен — 15 991, явились с повинной — 2549) и арестовать 3676 человек; в восточных областях Украины — 95 бандгрупп численностью 457 человек.

При проведении оперативных, оперативно-боевых операций и мероприятий по борьбе с бандитизмом погибли 226 оперативных работников, 1085 офицеров и рядовых войск НКВД, 72 бойца истребительных батальонов и добровольных отрядов, 87 советских и партийных работников.

У повстанческих формирований и населения было изъято и собрано на полях бывших военных действий: самолет — 1, орудий — 84, минометов — 1020, пулеметов — 7186, автоматов — 18 860, винтовок — 200 018, револьверов — 23 744, гранат — 132 731 и 481 ящик, ПТР — 1281, артиллерийских снарядов — 19 638, мин — 86 029 и 587 ящиков, патронов — 27 813 060 и 1036 ящиков, прочего оружия — 63 128, взрывчатых веществ — 5100 кг и 292 ящика.

В тыловых районах СССР деятельность органов НКВД — НКГБ по линии борьбы с бандитизмом до конца войны была направлена на обеспечение ликвидации действующих мелких бандгрупп, в основном уголовных, бандитов-одиночек и остатков ранее разгромленных повстанческих групп на Северном Кавказе⁹¹.

О значимости и важности, которые придавались органами власти СССР борьбе с повстанчеством в западных регионах страны, свидетельствует количество сообщений органов НКВД — НКГБ СССР в Государственный Комитет Обороны. В 1944 г. таких докладов было 52, а в 1945 г. — 105⁹². Размаху националистического движения в западных регионах СССР

во многом способствовало и то, что в 1944–1945 гг. территориальные органы НКВД — НКГБ только начинали развертывать свою деятельность. Основную работу осуществляли оперативные группы НКВД — НКГБ — ГУКР Смерш и войска НКВД по охране тыла, действовавшие в основном в районах, прилегающих к боевым порядкам частей Красной армии. Это позволило повстанческим формированиям вести широкомасштабные действия, которые в большинстве своем носили решительный и открытый характер. Такие действия повстанческих формирований вынуждали проводить массированные совместные операции органов НКВД — НКГБ, армейских частей и внутренних войск НКВД, пограничных войск, привлекать местное население. Только 4-я дивизия ВВ НКВД под командованием генерал-майора П. М. Ветрова во взаимодействии с частями Красной армии в 1944–1945 гг. участвовала в 1764 операциях, в ходе которых были убиты и захвачены в плен 30 596 повстанцев и собрано 17 968 единиц стрелкового оружия⁹³.

В результате проведения целенаправленных противоповстанческих мер органами власти и НКВД — НКГБ националистическим формированиям и организуемому их вооруженному подполью был нанесен серьезный урон, оказались разгромлены основные бандформирования и значительное число подпольных националистических организаций. В западных областях УССР были ликвидированы все крупные вооруженные формирования (курени, сотни), в основном разгромлены районные и надрайонные «боевки» СБ, станичные и кушевые организации ОУН и ликвидировано значительное число лиц из руководящего состава окружных, областных, краевых и центрального проводов, остались только мелкие группы УПА и ряд не вскрытых подпольных организаций ОУН (центральные, краевые, окружные).

В Литовской ССР были разгромлены основные подпольные организации: Литовская освободительная армия (ЛЛА), Союз литовских партизан (ЛПС), Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ) и действующие самостоятельно крупные вооруженные формирования. Однако в Украинской ССР и Литовской ССР остались еще много активных повстанческих формирований и разветвленная сеть подпольных националистических организаций, создающих в республиках сложную оперативную обстановку.

В западных областях БССР были разгромлены все крупные организации и группы Армии Крайовой. Оставались отдельные незначительные по численности группы в Гродненской, Молодечненской и Брестской областях.

В Латвийской ССР к середине 1945 г. были ликвидированы наиболее активная подпольная националистическая организация Объединение защитников отечества (партизан) Латвии (ОЗОПЛ) и ее формирования, оперировавшие в Двинском, Екабпилском, Илукстском и Резекненском уездах, а также частично уничтожена созданная немцами организация «Ягдфербанд Остланд». В республике остались мелкие группы в Вилякском, Валкском, Илукстском и Валмиерском уездах, руководимые немецким парашютистом Цинитисом.

В Эстонской ССР к концу войны были вскрыты и ликвидированы отдельные националистические организации (Хендриксона и другие) и разгромлены основные вооруженные формирования. Оставались неликвидированными отдельные, но активные группы численностью от двух до пяти человек.

Серьезные потери в открытых столкновениях и объявленная амнистия обусловили усиление разложения вооруженных формирований, явку с повинной большого числа рядовых участников, а также ряда руководителей подпольных националистических организаций. По неполным данным, на Западной Украине, в Белоруссии и республиках Советской Прибалтики в 1944–1945 гг. были ликвидированы: 1141 антисоветская организация и группа численностью около 9311 человек, 2735 вооруженных формирований и групп численностью 203 294 человека, из них одиночек — 12 265; задержаны 77 071 дезертир, 239 805 уклонившихся от службы в Красной армии; выселена 8561 семья в количестве 21 436 человек; изъято 160 598 единиц огнестрельного оружия, 195 801 мина и граната, 7 266 842 патрона, 29 раций, 121 пишущая машинка и множительный аппарат⁹⁴.

В ходе проведения оперативных и оперативно-боевых мероприятий, чекистско-войсковых операций погибли 337 сотрудников НКВД — НКГБ СССР, 2355 сотрудников милиции,

личного состава подразделений внутренних войск НКВД и Красной армии, 685 бойцов истребительных батальонов⁹⁵.

6 апреля 1945 г. Л. П. Берия и В. Н. Меркулов направили в ГКО на имя И. В. Сталина письмо следующего содержания: «Работники органов НКВД — НКГБ Украины со времени изгнания немецких захватчиков с ее территории проделали большую работу по наведению советского порядка и очищению Украины от оуновских банд, немецких шпионов, ставленников, предателей и другого антисоветского элемента. Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР и Народный комиссариат государственной безопасности ходатайствуют о награждении орденами и медалями Союза ССР работников НКВД — НКГБ УССР, особо проявивших себя в работе»⁹⁶.

Правительственных наград были удостоены 804 сотрудника НКВД — НКГБ Украины, 1516 сотрудников НКВД — НКГБ Белоруссии, 1118 сотрудников НКВД — НКГБ Латвии, Литвы и Эстонии.

В целом к моменту окончания Великой Отечественной войны с повстанческими формированиями в тыловых районах СССР было покончено. Центр тяжести борьбы с националистическим подпольем переместился в западные регионы СССР. Здесь «война после войны» продолжалась до 1956 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 3–6.
- ² Кавказские орлы. М., 1993. С. 8, 55.
- ³ ГАРФ. Ф. 9478с. Оп. 1. Д. 8. Л. 241–251.
- ⁴ Шпион // Альманах журналистского расследования. № 1. 1993. С. 12–19.
- ⁵ ГАРФ. Ф. Р-947 9. Оп. 1. Д. 137. Л. 15–16.
- ⁶ 12 августа 1942 г. О. Губе было вручено предписание о назначении его руководителем антисоветского восстания на Северном Кавказе (Чекисты Дагестана. Сборник. Махачкала, 1985. С. 89).
- ⁷ Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.). М., 2011. С. 643.
- ⁸ *Алексеев А. Е., Сидоренко В. П.* Внутренние войска в годы суровых испытаний: домыслы и реальность. СПб., 2002. С. 39.
- ⁹ *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 91.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2435. С. 15–368.
- ¹¹ Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 101.
- ¹² Северный Кавказ: Выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 200.
- ¹³ Только за август 1942 г. внутренние войска выявили 7132 дезорганизатора войскового тыла. Из более чем 20 тыс. человек, задержанных в августе — октябре 1942 г. в особых районах обороны, 60% составляли бандиты, дезертиры и уклонившиеся от службы в армии (*Сидоренко В. П.* Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999. С. 103; Министерство внутренних дел России: страницы истории. 1802–2002 гг. СПб., 2001. С. 450).
- ¹⁴ *Сидоренко В. П.* Войска НКВД на Кавказе: домыслы и реальность. СПб., 2006. С. 176.
- ¹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. М., 2003. С. 523–524.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 607. С. 1–2.
- ¹⁷ Там же. Ф. 38663. Оп. 1. Д. 44. Л. 4–5.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 58. Л. 15.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 38654. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.
- ²⁰ Министерство внутренних дел России: страницы истории. С. 459.
- ²¹ НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сб. документов. М., 2008. С. 532.
- ²² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 611.
- ²³ Кавказские орлы. С. 50.
- ²⁴ Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 8.
- ²⁵ Опыт, особенности и актуальные проблемы служебно-боевой деятельности группировки внутренних войск МВД России в ходе проведения контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации. СПб., 2003. С. 49.
- ²⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 178. Л. 56.
- ²⁷ *Сидоренко В. П.* Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. С. 125.

²⁸ Опыт, особенности и актуальные проблемы служебно-боевой деятельности группировки внутренних войск МВД России в ходе проведения контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации. С. 50.

²⁹ Алексеев А. Е., Сидоренко В. П. Указ. соч. С. 79–80.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 653. Л. 1; Д. 160. Л. 70–71.

³¹ Гонов А. М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века: дисс... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 1998. С. 180.

³² ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 185–186; Д. 13. Л. 33–37, 72.

³³ НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. С. 526.

³⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 243–244.

³⁵ НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. С. 522, 534.

³⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 194.

³⁷ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1с. Д. 376. Л. 13.

³⁸ Семиряга М. Л. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 498.

³⁹ Зубкова Е. Ю. «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечественная история. 2007. № 2. С. 78.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1с. Д. 413. Л. 109.

⁴¹ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2-х т. Т. 2: 1944–1945. М., 2012. С. 55–71, 101–102.

⁴² Там же. Д. 643. Л. 177.

⁴³ Там же. Л. 10–11.

⁴⁴ Там же. Д. 696. Л. 15–18.

⁴⁵ Gaskaitė-Zemaitienė N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 26.

⁴⁶ Ibid. P. 28–29.

⁴⁷ Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997. С. 157–158.

⁴⁸ Там же. С. 157.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 97. Л. 121–122.

⁵⁰ Там же. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 601. Л. 134.

⁵¹ ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 2/1а. Д. 303. Л. 3–16.

⁵² История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 340.

⁵³ Там же. С. 341.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 601. Л. 134.

⁵⁵ Правильно — полковник Вессель Фрейтаг фон Лорингховен.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 74–75, 119.

⁵⁷ Там же. Л. 71.

⁵⁸ Laar M. The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956. Tallinn, 2005. P. 212.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 192. Л. 39–43.

⁶⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 159–161.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 756. Л. 57–61.

⁶² Только в Литве было создано и введено в действие 97 волостных отделений НКВД, направленных на борьбу с бандитизмом (ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 394. Л. 35–36).

⁶³ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 109. Л. 268–271.

⁶⁴ РГВА. Оп. 5. Д. 6290. Л. 314–316, 355.

⁶⁵ Христовов В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 346.

⁶⁶ Центральный архив Федеральной пограничной службы (далее — ЦА ФПС) России. Ф. 14. Оп. 224. Д. 175. Л. 16–17.

⁶⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1т. Д. 120. Л. 182–185.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 394. Л. 36, 43–48.

- ⁶⁹ Там же. Л. 12, 72, 83–85, 99.
- ⁷⁰ Там же. Д. 425. Л. 17–39.
- ⁷¹ Там же. Д. 643. Л. 13.
- ⁷² Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 2. С. 611–612.
- ⁷³ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сб. документов. М., 1968. С. 8–9.
- ⁷⁴ НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. С. 426.
- ⁷⁵ Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. М., 2000. С. 363.
- ⁷⁶ *Шитько В. В., Паламарчук С. П.* Внутренние войска в борьбе с буржуазно-националистическим подпольем (1939–1953). М., 1986. С. 103.
- ⁷⁷ НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. С. 144.
- ⁷⁸ ЦА ФПС России. Ф. 58. Оп. 2. Д. 210. Л. 52–56.
- ⁷⁹ РГВА. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2218. Л. 111.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 1–5.
- ⁸¹ Там же. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15, 18, 20.
- ⁸² Там же. Д. 642. Л. 105–106.
- ⁸³ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 642. Л. 94.
- ⁸⁴ *Боярский В. И.* На страже границ Отечества. М., 1998. С. 366.
- ⁸⁵ ЦА ФПС России. Ф. 58. Оп. 2. Д. 210. Л. 52.
- ⁸⁶ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 563. Л. 4–13.
- ⁸⁷ Там же. Л. 6–8.
- ⁸⁸ Там же. Л. 204.
- ⁸⁹ Там же. Л. 64–87.
- ⁹⁰ Там же. Л. 193.
- ⁹¹ Данные ГУББ МВД СССР «О ликвидации антисоветских националистических организаций, связанных с ними банд, участников организаций, бандитов, их пособников и укрывателей и другого антисоветского элемента» в 1944–1946 гг. (ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15, 22, 28).
- ⁹² НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. С. 4.
- ⁹³ Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. С. 546.
- ⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 1–33.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 352. Л. 77–102; Д. 353. Л. 56–103; Д. 356. Л. 191–226.